

Вячеслав Белоусов

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДУЭЛИ

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Вячеслав Павлович Белоусов
История одной дуэли (сборник)
Серия «Коллекция
военных приключений»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349078

В. П. Белоусов. История одной дуэли / [Сборник]: ООО «Издательство

«Вече»; 2017

ISBN 978-5-4444-9144-7

Аннотация

Преступившего закон всегда должно настигнуть возмездие. Это аксиома. Но меняются времена, меняется и оценка происходившего. Вот и сотрудник прокуратуры Ковшов, сталкиваясь с разными людьми, не всегда может ответить на вопрос: заслуженно ли они были наказаны? Почему «призракам прошлого» долго удавалось утаивать свои тёмные делишки? Не возвращается ли излишняя жёсткость бумерангом, ударяя по нашему обществу?.. А в повести «Чёрный август» рассказывается о недавних событиях – днях, вошедших в историю под названием «ГКЧП».

В книгу включены новые произведения мастера отечественной остросюжетной прозы.

Содержание

Аз воздам!	5
Из дневника Д. П. Ковшова. Зима	5
Из дневника Д. П. Ковшова. Ранняя весна	39
Из дневника Д. П. Ковшова. Май	64
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Вячеслав Белоусов

История одной дуэли

Сборник

© Белоусов В. П., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Аз воздам!

Из дневника Д. П. Ковшова. Зима

*Что было, то и будет, и что делалось, о и будет
делаться, и нет ничего нового под солнцем!*

*Книга Екклесиаста, сына Давидова, Царя в
Иерусалиме, глава 1: 9*

В Англии один авторитетный лорд всю жизнь собирал свидетельства существования призраков и привидений, скрупулёзно записывая истории в специальный альбом. Этот Чарльз Линдли Ву лорд Галифакс настолько прославился, что начал получать письма с рассказами очевидцев не только со всего Туманного Альбиона, но и от представителей Нового Света, которые радовали его увесистыми почтовыми посылками с записками своих впечатлений от встреч с нечистой силой.

Со временем экзальтированный лорд создал таинственную «Книгу привидений», которая очень быстро приобрела легендарную славу, а сам чудаковатый любитель тёмных историй прославился на весь мир.

Слава нашего несравненного детектива Павла Никифоровича Федонина пока ограничивается пределами области, но

вчера утром он поразил меня не менее, нежели причуды лорда старушку Англию.

Старший советник юстиции неуклюже ввалился в кабинет, едва протиснувшись в дверь с солидными фолиантами уголовного дела, и свалил их прямо мне под нос на кучу текущей корреспонденции, справок, анализов и прочего занудного хлама текущей недели. Был предпоследний рабочий день, и этого добра на каждом столе прокуроров следственного отдела скопилось предостаточно.

Следователь по особо важным делам отдышался, терпеливо подождал, пока я приду в себя, и проговорил:

– Я гляжу, ты уже обустроился, сынок. Месяца три штаны протираешь?

– Второй заканчивается, – в приколах и подвохах Федонина я уже вполне разбирался, поэтому сохранял благоразумие, дожидаясь завершения сцены.

– Пора на полную катушку за работу браться. Вот, принимай назад сей багаж. Признаться, изрядно намылил мне шею. В сейфе от этих томов некуда деться. А меня зарядили на дело о хищении золота в универмаге. Просекаешь?

– Не совсем... – смутился я, но догадки блеснули.

– Чуть было выговор не схлопотал, а он, видите ли, ещё в забывчивости!

– Это что? – смутное беспокойство охватило моё безоблачное сознание: в аппарате областной прокуратуры ничего так просто не делалось, все решения согласовывались с Ко-

лосухиным, самые ответственные – с Игорушкиным, Федонин такими вещами шутить не станет.

– Как что? Имей совесть, боец! Твои же труды. Короткая у современной молодёжи память, а, друзья? – Федонин укоризненно на меня скосился, затем оглядел млеющих, ожидающих потехи прокуроров отдела, не успевших разбежаться по своим делам. – В прошлом году, когда в районе работал, он зубами это дело грыз, а в город перевели – забыл! Или не очухаешься никак от наших нагрузок? Здесь, боец, не в деревне, некогда петушиного крика дожидаться. Городские рано поднимаются.

Толупанов и Готляр потихоньку разогревались ухмылками, предвкушая финал.

– Признаться по совести, я долго ждал, когда наберёшься смелости и сам назад дело попросишь. Естественно, за некоторое вознаграждение. Но, видно, нравы изменились. Прости старика, пришлось идти к Игорушкину. Ты тут в этом бумажном хламе совсем голову потеряешь и забудешь следствие. Так я тебя выручить решил. – Он хитро подмигнул уже хихикающей публике. – Принимай и расписывайся. Как раз время настало возобновлять производство. Медики заканчивают идентификацию, завалились они с ней совсем. Только заключений по костям томов пять-шесть наберётся.

– Дело об убийстве Топоркова?¹ – глянул я на обложку

¹ См.: В. Белоусов. Призраки оставляют следы. М.: Вече, 2017. (Серия «Военные приключения»).

первого фолианта.

– Признал, слава богу, – хмыкнул Федонин. – Пеню считать не стану, ударим по рукам, если магарыч поставишь.

Мои дружки-соседи по кабинету радостно заржали. Надо полагать, их устроила концовка.

– Не забыл Топоркова и его сынка, боец? – Федонин отчески потрепал меня по плечу.

– Я полагал, вы его прекратили. В живых-то никого не осталось...

– Дело я приостановил, – поморщился он, присел рядом и, достав портсигар, закурил. – А насчёт живых?.. Это как сказать. Завис поджог известного архива, вернее, попытка. И девчушка под лёд ушла при невыясненных до конца обстоятельствах. Ну и главный злодей! Убийца! Я отдельное поручение выдал в Управу, с самим генералом Максиновым говорил, к верным ребяткам из Комитета глубокого бурения обращался, но они чего-то тянут. Нет следочка, не могут ушучить. Хитёр, видать, тот сукин сын...

– А может, того?.. – подпёр и я щёку кулаком. – Наган-то из двадцатых годов?..

– Гильз насобирали эксперты в том бугре, – согласился Федонин. – Постарался твой дружок Дынин. Он там и песок чуть не ситом просеивал. И револьверных полно, и винтовочных. Заканчивают эксперты баллистические исследования. Теперь сам их получишь. А насчёт убийцы, что сдох он, не верится мне. Канул, это да, они же, гадюки, имеют удиви-

тельное свойство переживать хороших людей.

– На это своя философия, – грустно кивнул Готляр.

– Это точно, – хмыкнул Федонин, поднялся и заковылял к выходу, а у двери напомнил: – А в пятницу не скупись, раскошеливайся.

Толупанов и Яков изобразили дружное веселье.

* * *

Мне, конечно, не случайно вспомнился тот экзотический лорд Галифакс с его книжкой о призраках и покойниках. В деле, что ловко сбаврил мне старший следователь, уговорив начальство, в живых из действовавших когда-то лиц никого не оставалось. Все персонажи мертвы, некоторые умерли своей смертью, как Хансултанов и чудаковатый старикан с весёлой кличкой из детской сказки, подо льдом трагически погибла дочь Хансултанова. Но был один, который ушёл из жизни при загадочных обстоятельствах. Который с меня клятву страшную взял. И я об этом никогда не забывал, зря корил меня Федонин. Кого же установил полковник Лудонин по отдельному поручению старшего следователя? Вряд ли они остались проживать в районе. Но чего не бывает?

На следующий день я появился в кабинете Федонина:

– Почему Каримов занимался проверкой вашего отдельного поручения, а не Лудонин? Вы же адресовали запрос областному управлению внутренних дел?

– Ну, боец, ты меня удивил, – хмуро отвернулся тот к своему аквариуму с невозмутимыми рыбками. – Не привык к их фокусам? В милиции, особенно наверху, такое сплошь и рядом. Кому из начальников работать хочется? На подчинённых груз сплавляют.

– Но Лудонин! Не верю, чтобы он так поступил!

– Значит, мимо него прошло.

– Мимо Михаила Александровича в угро и муха не пролетит.

– Уймись, сынок. Может, в отпуске был, – миролюбиво отмахнулся Федонин. – Кстати, ты новость не слышал?

Я наострил уши.

– Каримова в Управу переводят. Место заместителя начальника готовят. Засиделся в деревне. Так что я не в большой обиде, что он мне бумажки прислал, а не Лудонин. Неделя-две, и Каримов рядышком с генералом кресло займёт. Следи за прессой, боец.

* * *

Женщинам нравится выискивать у нас, мужиков, недостатки. Зачем? Чтобы, обнаружив их, нас перевоспитывать.

Очаровашке мучиться не пришлось, недостатков во мне пруд пруди. Оказывается, я легко поддаю под чужое влияние, особенно женское. Поэтому она установила за мной бдительный контроль. Я, конечно, обозвал её ревнивицей и

занудой. Людям, склонным к музыке, это свойственно, припечатал я её убийственным аргументом, взять хотя бы Сальери.

Ну а контроль?.. Какой она могла установить контроль? Я в деревне-то дома редко бывал, а в город перевели, совсем невпродых, хорошо, фотография свадебная напоминает ей о муже...

Шутки шутками, но об этом вспомнил, когда однажды за завтраком завёл речь о возможной поездке в райцентр – мне предстояла командировка в знакомые места по делу Топоркова. Лишь услышав, Очаровашка тут же заявила, что тоже соскучилась по Полине, Ольге, Варваре Афанасьевне и начала вспоминать Мурло, с собачкой у неё особо доверительные отношения. Я кивнул ей на заметный уже живот, расписал возможные ужасы на паромной переправе в такую стужу, но Очаровашка завелась ещё больше и упомянула про коварных клеветок. Лучше бы я не возражал! Ей почудились их тени за моей спиной. Я-то сразу понял, насчёт кого эти инсинуации: Милка Погодина, судебный исполнитель, заочница, последнее время перед отъездом я помогал ей с курсовой по криминалистике. Она брюнетка, не замужем, молода и грезит профессией следователя, поэтому часто забегала в прокуратуру и, естественно, торчала у меня в кабинете, приставая с расспросами. Вот и причина многозначительных намёков. Очаровашка – блондинка с рождения, известен их антагонизм к особам с противоположным цветом

волос, отсюда это ядовитое и унижительное наименование. Я напряг извилины, даже полистал энциклопедический словарь, но клеветок не нашёл. Попались клеветы. Оказывается, это приспешники и приверженцы, то есть вполне безобидные существа, но Очаровашка выводов не сделала и добилась моей капитуляции, после чего затеяла бурную кампанию по сборам, в которые вовлекла и меня. Занятие оказалось хлопотным: кроме рыбных консервов из кильки и банок с солёными огурцами в магазинах – ничего, не удалось дозвониться ни до Дыниных, ни до Бобровых, а совсем испортило настроение известие, что Аркадий и Анастасия из-за болезни не смогут принять участие в поездке. Я-то понимал Очаровашку – она рассчитывала на кабриолет Аркадия – и втайне успокоился: смирится боевая подруга, останется дома. Но не тут-то было...

Так неожиданно-негаданно вдвоём мы нагрянули в деревню. Ничего плохого в этом, конечно, не было, если бы следом за этой поездкой не случись мрачные события, обернувшиеся страданиями для одних людей, а для других даже смертью...

* * *

Кажется, дела пошли на поправку. Я выздоравливаю. Завтра нужно будет идти в поликлинику на рентген. Лечащий врач пугает бронхитом, но чувствую себя сейчас гораздо лучше. А свалила меня на больничную койку та треклятая

поездка в деревню. Досталось на пароме при возвращении. Под жутким ветром коротал время у машины, дожидаясь баркаса. Очаровашку я пристроил в тёплой кабине автомобиля, а сам хорохорился с курильщиками, вот и подвёл тонкий организм. Да и сама поездка не удалась. Всё же правильная ходит пословица: неожиданный ревизор хуже расстройства желудка.

Ильи не оказалось дома. Сверкая глазами, Моисей Моисеевич доверительно поведал, что, взяв недельный отпуск, тот вместе с Евгенией уехал в столицу к её родителям, решать предсвадебные дела. В прокуратуре Ольга сообщила, что Бобров укатил по району, в двух сёлах они затеяли выездные процессы. Совсем по секрету поделилась, что с назначением в райком нового первого секретаря Борданова пошли перемены: первый, не в пример покойному Хансултанову, начал активно вникать в работу правоохранительных органов, удивил всех присутствием на итоговых совещаниях, где устраивал настоящий разнос, подвергая критике работу милиции, суда и прокуратуры. Каримов, совсем собравшийся в Управление на повышение, умерил пыл, стихли и разговоры.

– Впрочем, – она подпёрла голову ладошкой, – мне и самой некогда беседы вести, в суде назначена куча дел. Из процессов не вылезаем.

И помощница умчалась, оставив меня с Полиной.

– Как Ванька? – поинтересовался я.

– Старший весь в делах, – улыбнулась она. – Его повысили. Как пить бросил, старшим вахты поставили.

– Я про мальчика спрашиваю. Хотелось бы с ним повидаться.

– Он у бабушки. К весне его привезу.

– Вы уж сообщите мне тогда. Он мне нужен.

Она виновато опустила голову.

Оставив Очаровашку у Моисея Моисеевича заниматься ужином, я поспешил в райотдел милиции. Ещё по телефону мы договорились встретиться с Каримовым. Но вопреки всему на месте его не оказалось, и мне пришлось коротать время в кабинете Квашнина.

– Борданов срочно вызвал. – Поглаживая лысину, Квашнин улыбался, будто мы только вчера расстались. – С утра шеф оперативку проводил, гонял почём зря. Лентяи, работать не хотят! Четыре кражи наметились в висяки. Похоже, банда объявилась, скот воруют и забивают у коровников. Сам как? Что прикатил? Соскучился?

– Там времени нет на душевные слабости.

– По делу?

– Есть вопросы, – уклончиво ответил я.

– Каримов часа полтора уже в райкоме. А твоего визита ждал. Бумаги ему готовили, печатали что-то.

– Вот и поделись.

– Строго-настрога наказано сидеть и тебя встретить. Занять беседой, пока сам не освободится.

– Невелика персона.

– А мне в радость. Чайку, Данила Павлович, или по стопочке?

– По стопочке погодим. Забот по горло. Я же по делу Топоркова к вам.

– А что так? По моим сведениям, дело давно прекращено. Ваш следователь и прекратил, Федонин, кажется?

– Приостановлено оно было. За неустановлением виновного.

– Виновного? Это кого же? – на лице капитана читалось нескрываемое удивление.

– А попытку поджога забыл, Пётр Иванович? Проникновение в архив? Да и по эпизоду гибели дочери Хансултанова полной ясности не имеется, – я умышленно промолчал о заключении ленинградских экспертов по микрочастицам, Федонин не афишировал действительную причину гибели Топоркова, считал, имеется в этом нужда.

– Попытка поджога? – Квашнин подскочил со стула. – Да это же мелочовка! А девчонка при чём? Она сама под лёд залетела на собственной машине! Мудрецы у вас в облпрокуратуре! А нам, на местах, выкручивайся!

– Ты бы не возмущался, Пётр Иванович, – попробовал я остудить его пыл. – Федонин по поручению прокурора области мне дело передал. Я его от корки до корки изучил и не сказал бы, что милиция по нему горы наворотила. Федонин пахал, и госбезопасность кое-что проверяла, а ваш райотдел,

как ни странно, отписками занимался.

– Неправда! Я формалистом не был! И ребята у меня в уголовке зря хлеб не жуют! – Квашнин аж зарделся от гнева, здорово я его пронял. – Не тебе бросаться такими словами, Данила Павлович... Быстро забыл, как хлебали из одной чашки!

– Успокойся, – сбавил я. – Кто же готовил ответы, которые Каримов подписывал? Глянь сюда! – Я раскрыл папку и показал ему ответ в полстраницы на запрос Федонина. – Знаешь, сколько здесь таких пустых бумажек? Старший следователь шлёт поручение Лудонину, а вы ему в две строчки отписку фигуете! Это как понимать?

– Где? – сунулся в папку Квашнин.

Я палец не пожалел, поводил по бумаге с чувством:

– Читай! Везде одно и то же: «свидетели не найдены», «факты не подтвердились», «установить очевидцев не представляется возможным»... Где же ваша работа?

– В глаза не видел! – Квашнин оторвался от бумаг, взмолился: – Никаких поручений по делу Топоркова уголовный розыск не исполнял...

– Выходит, начальник милиции кому-то другому поручал задания старшего следователя? Не сам же он строчил такие ответы? Думай, что говоришь!

Капитан Квашнин развёл руками.

По стопочке выпить нам так и не пришлось, а чаем Квашнин запоил меня до тошноты. Допоздна засиделись, но Кари-

мова так и не дождалась. Уже в десятом часу вечера из райкома позвонили дежурному, что совещание продолжается.

Засыпая, я подумал, что моему визиту искренне радовались только бескорыстный Моисей Моисеевич и верный пёс Мурло.

* * *

Утром мне предстоял визит в районное отделение госбезопасности. В приёмной молодая женщина, поливавшая цветочки на подоконнике, попросила подождать, кивнув на стул – шеф говорил по телефону. Постепенно накаляясь, словно чайник на плите, я просидел с полчаса. Наконец секретарша любезно открыла передо мной дверь.

Царапкин, новый начальник, сменивший Усыкина, встретил меня настороженно, хмуро и неторопливо поинтересовался причинами визита; неторопливость его была подчёркнута и заметна; вчера я так и не дождался одного начальника, сегодня этот тянет резину, будто сговорились оба!

– Меня о вашем приезде не предупредили, Данила Павлович, – закончив разглядывать моё удостоверение, хмуро буркнул он. – А вы, значит, у нас работали?

Я кивнул.

– Чем же отличились, что через полгода вверх пригласили? – он как-то с подозрением зыркнул без всякого интереса, но и без издёвки, впрочем. – Не тутошной ли историей?

Он так и произнёс «тутошной», но я опять не засёк подтекста, буднично у него получилось.

– Начальству виднее. – Я присел на единственный стул, что стоял почти у самой двери. – А история действительно из прошлого.

– Из управления нашего тоже не звонили, и ваш Колосухин не дал знать, – перебил он меня. – Я своих перетряс, у меня старожилы вас помнят.

– Дела давно забытых дней, – попробовал я пошутить, раскрывая портфель.

– Прокурор района в курсе вашего визита? Бобров со вчерашнего дня в командировке. – Он не спускал с меня настояренных глаз.

– Он нам не понадобится.

– Слышал, жена с вами? – И опять он не улыбнулся.

– Соскучилась по знакомым.

– По ком же?

Я промолчал.

– Зябликов, вас сменивший, у нас не частый гость, – не унимался Царапкин. – А вы, вон, даже в городе не забываете...

Я давно отметил одну особенность в манерах работников этого учреждения, поэтому терпеливо дожидался конца его вопросов: они должны иссякнуть сами, перебивать или другим образом форсировать ситуацию бесполезно.

– С Каримовым осечка, я бы ещё вчера к вам зашёл.

– Вместе на бюро заседали, – изобразил он значимость.

– Затянулось бюро?

– В колхозах напряжённая обстановка, с зимовкой проблемы. Но изменим положение. Как супруга перенесла дорогу?

«Ему про всё донесли, – впервые я смутился. – Не удивлюсь, если услышу, на каком она месяце».

– Так что же вас интересует, Данила Павлович?

По-видимому, он нажал какую-то кнопку, так как я уловил тихий сигнал в приёмной, и тут же влетела молодушка.

– Анна Михайловна! – Он изобразил мне улыбку. – Вам чай, кофе?

– От кофе не откажусь. – Положил я перед ним копию поручения Федонина. – Меня интересует результат исполнения вот этого задания.

Царапкин не подал вида, что бумага его заинтересовала, он даже небрежно чуть отодвинул её от глаз, а потом полез за очками. Они оказались круглыми, в тонкой металлической оправе, я вспомнил кино тридцатых годов, у какого-то актёра такие мелькали на носу, напоминая больше монокль, потому что вечно спадали с носа. На этих металл был благородного цвета и делал им честь.

– Курите? – тихо поинтересовался он.

Надо сказать, меня покорило его умение ненавязчиво завладеть инициативой. Силён, бродяга, оценил я. Ну да ладно. В конце концов я прикатил не в кошки-мышки играть. А

приёмчики эти знакомы.

– Прокурором области Игорушкиным, – значительно и сосредоточенно начал я, – поручено завершить уголовное дело прошлого года. Оно было в производстве старшего советника юстиции следователя по особо важным делам Павла Никифоровича Федонина. Передано мне. С этим я и прибыл.

Сказано было неплохо, я обратил внимание, как пригибалась голова этого человека к столу, особенно она дрогнула при перечислении мной должностей и званий: на служивых этих мастей действует.

– О каком деле идёт речь? – он сумел сохранить хладнокровие.

– Возбуждалось в связи с самоубийством осуждённого Топоркова, бежавшего из колонии и подозреваемого в поджоге архивного помещения.

Пауза длилась долго.

– А-а-а... Вон оно что. – Царапкин снял очки, поднял брови. – Как мне докладывал предшественник, к бытности которого это относится, дело давно прекращено. Да и вы это произнесли – уголовник застрелился. Впрочем, в детали я не вдавался, никакого дела у нас не заводилось.

В коротком монологе мне особенно понравилось слово «предшественник». Лихо открестился Царапкин от майора Усыкина, теперь уже бывшего, как метко заметил вчера в разговоре острый на язык Квашнин: «Сгоревшего в пожаре, запалённом неизвестно кем...»

– Отнюдь, Максим Устинович, увы, отнюдь. – Я поудобнее постарался устроиться на стуле, принимая поданный кофе. – В вашем отделении дело действительно не заводилось. Все материалы майор Усыкин переадресовал нам, в районную прокуратуру, а потом дело было приостановлено Фединным в связи с неустановлением виновного, но не прекращено.

– Я не следственник, Данила Павлович, – уголки губ Царапкина дрогнули, изобразив ухмылку. – Усыкин, помню, докладывал, сдавая мне дела, что подписывал какие-то ответы на запросы из областной прокуратуры. Поискать в нарядах переписки?

– Не помешает.

– Семнадцатый наряд мне, – резко бросил он в телефонную трубку, а мне любезно предложил: – Ещё кофе?

Я кивнул, такого кофе я не пивал даже в «Шарлау».

– Данила Павлович! – Царапкин отодвинул от себя чай, ослабил галстук и, распахнув китель, откинулся на спинку кресла. – А кого, простите, могут интересовать вопросы, потерявшие всякий интерес, значимость, а в целом, я бы сказал, не принесшие никому никакого вреда?

Лицо его разгладилось, я увидел его улыбку, она оказалась не натянутой, не придуманной, а даже, наоборот, вполне доброжелательной и располагающей к откровенности.

– Кому это, грубо выражаясь?... – он присвистнул. – Смех один! Ту историю затеял сам Усыкин. Но что с него взять!

Человек тяжело болел, переживал. Ему вошь казалась чумой. Никаких важных документов из архива не пропало. Там бумажки были местного значения, древности несусветной, ещё революционного периода. Банды, белогвардейщина, кулаки злобствовали в степях, а с ними велась борьба на поражение. Время того требовало. Врага уничтожали. Кто не согласен? Что изменилось? Это и теперь лозунг дня. Другое дело – враг не тот. Да что я... Извините. Никого в живых нет. Бугор тот, Гиблое место, мы давно раскатали, заровняли, облагородили, остатки костей выбрали ваши студенты с медиками и увезли в город. Надо будет, придадим их земле, где прикажете. А важных документов не пропало, Усыкин сам и разобрался. Зазря поднял переполох. Мне прикасаться не пришлось. Да и Усыкин в отставке, сейчас уже лечится в санатории после больницы. Но виноват ли он? Какие условия были! Это теперь в рекордные сроки нам удалось новое здание построить, маленькое, но своё. Как оно вам? Впечатляет? – он оглядел стены. – Первый секретарь райкома, Валерий Николаевич, помог. А что здесь было? Вы же сами видели!

Конечно, я помнил. Районное отделение в то время ютилось на первом этаже здания райкома партии и занимало тёмный скромный уголок в два кабинета, один из которых прятал Усыкина в его необычайно длинном пальто, похожем на хвост.

– Да и было ли проникновение в архив? Я умолчу про по-

пытку его поджога! – Царапкина словно пробило, он говорил, не останавливаясь, вдруг засмеялся мелко и зло – кхе, кхе, кхе...

То ли кашель, то ли чих.

– Развалились прогнившие стеллажи в архиве, гниль и рухлядь обрушились на пол. Усыкин, великий криминалист, тут же сделал вывод, что это следы вора. Кому понадобилось?.. Потом оценили его способности. Теперь хоть подлечится...

Он глянул на меня, а я уж подумал – забыл в запале. Нет, он крикнул за стенку: «Анюта, принеси чайку!»

Молодушка впорхнула с новым подносом.

– А та полоумная старушка! Как её?.. – он пальцами защёлкал, вспоминая. – Разве можно здраво воспринимать её рассуждения? С чего она взяла, что в архиве пропали документы? Описи нет. По её понятиям, бумаги значились в папках. Но кто это сказал? Чем подтверждается? Общим каталогом, где никакой конкретности не найти. Полоумная пенсионерка! Почему ей верите?

«Однако он разговорился... – подумалось мне, – выходит, прикидывался, что не задела его те события. Увлёкся, начальник, разволновался».

– С чего вы взяли, будто заведующая архивом, которую допрашивал Федонин, полоумная? – сумел я вставить реплику. – Обижаете гражданку.

– Всему району известно. Мне и подполковник Каримов

докладывал.

– Каримов? Из каких источников? Как же ей доверяли архивом заведовать?

– Да бросьте! Какой архив? Какие бумаги? В той избе лишь переписка и прочая мелочь с двадцатого – двадцать пятого годов. Горела изба в тридцатых годах. А в войну?.. Кто тогда об этом заботился?

Я будто случайно громче обычного чашкой блюдце задел, мой собеседник вздрогнул и смолк.

– Что с пенсионеркой? Она в больнице?

– Каримова спросите. Да и ваш Зябликов, наверное, в курсе. Одно точно – она на пенсии, не работает, а вот охранник тот, который с её слов будто за поджигателем гонялся, умер. В прошлом году ещё. Перед самым Новым годом. Тоже пенсионер. Не знаю, каким образом он мог бегать, едва ноги таскал.

«Вон ты даже что знаешь, – опять подумалось мне, – а ведь каким неразговорчивым был. Что же это тебя проняло?»

– В живых из его родственников кто-то остался?

– Избавьте, Данила Павлович. Это не в поле моей профессиональной деятельности.

Впорхнула молодушка с папкой.

– Вот и наряд с вашим заданием. – Царапкин не листал страницы, заботливой рукой секретарши они были раскрыты на нужном месте. – Вот наши ответы вам.

– Один в один. Кроме фраз «установить не удалось», ничего конкретного.

– А что вы ждали, Данила Павлович? Воры – не наш профиль.

– Именно так.

– Может, ещё кофе, Данила Павлович?

– Спасибо. Кофе прекрасный, – засобирался я. – Значит, вы все архивы вывезли в город?

– Точно так. Усыкин отправлял. Согласно инструкции и распоряжению. С запозданием, правда... За что и пострадал.

Он подыматься стал – проводить меня к двери:

– Теперь у нас всё в порядке. Осмотреть новое здание не желаете? Мои орлы не нарадуются.

– В поручении Федонина предлагалось установить личность водителя и грузчика, вывозивших архив. Вами ответ подписан, что водитель Сорокин уволен, а грузчик Быков значился по трудовому соглашению, и вы переадресовали запрос в милицию?

– Так и было, Данила Павлович. – Царапкин возвращаться в кресло явно не собирался. – Подписан ответ мной, но я поинтересовался у своих. Сорокин на заметке у Усыкина значился, попивал дома, он его и погнал в шею после того случая. Про Быкова совсем ничего не скажу. Из вольнонаёмных, сами понимаете, кто за ними смотрит? Он и принимался временно. Летом они все в рыбаки прут, а зимой возле баб, извините, греются. Этот Быков, говорят, совсем недотё-

па был, может, стеллажик-то в архиве и задел при погрузке. Вот они и рассыпались. Федонин позже осмотр там делал. Зазря поднял шумиху.

– И всё-таки, Максим Устинович, установлены эти двое? Где они проживают?

– Вы меня прямо допрашиваете, Данила Павлович, – Царапкин сощурился.

– Извините. Беседуем.

– Про Быкова и Сорокина не известно ничего. Думаю, Каримов даст исчерпывающую информацию.

Этим и закончился мой визит к Царапкину. Удовлетворения он не принёс, а времени потрачено, как говаривала та бабушка, уйма. Если так пойдёт и в милиции, думал я, шагая в райотдел, пользы от моей поездки никакой.

* * *

Подполковник Каримов удивил табачным дымом и открытой пачкой «Беломора» на столе. Стоял он у распахнутого окошка с папироской в зубах весь взъерошенный. Видно было застал я его врасплох.

– Входи, входи, Данила Павлович, – принялся он застёгивать китель. – Не стесняйся. Сколько щей прохлебали вместе!

Я с порога заметил неестественную белизну и следы тревоги на его лице.

– Случилось что, Равиль Исхакович?

– Желудок прихватило. – Он пожал мне руку. – Вчера прокурили в райкоме допоздна, а с утра здесь бедлам! Бирюков никак не отправит меня на курорты. Как тебе в городе?

– Не обижаюсь.

– Извини за вчерашнее. Поругиваешь меня?

– Царапкин уже объяснил.

– И у него побывал?

– Оттуда.

– Угостил бы чаем, но разогнал всех только что. В колхозах падёж скота начался, участковых отправил в хозяйства, остальных им в помощь. Некоторые хитрецы на фермах под это дело хищением занимаются. Надо наводить порядок. А ты забыл про наши деревенские хлопоты? В городе такого нет. – Он слабо усмехнулся, даже подмигнул. – Не жмёт, не давит?

Что можно ответить на прозрачный намёк, мол, бездельники вы там, в центре, если есть время по деревням валандаться.

Я пожал плечами.

– Значит, мало Павлу Никифоровичу наших доказательств, – продолжил он, занимая привычное место за столом. – Мало наших проверок? Всё, что им поручалось, мои ребятки исполнили.

«Квашнин, как и полагается, поведал начальству о причинах моего появления, – догадался я. – Ну что же, обойдётся»

без преамбул и раскланиваний».

– Обидно, – Каримов сунулся к пачке за папироской, но поймал мой взгляд, отдернул руку. – Работаешь, пашешь, а понимания наверху никакого. Я уже загонял оперов по заданиям Федонина. Они тоже не мальчики, твердят: Топорков – единственный фигурант, все факты за эту версию. С его самоубийством и концы обрублены. Кого прикажете искать?

– А мотивы? Зачем уголовнику архив?

– А вот это уже по части Федонина. На то он и следователь по особо важным делам. Неужели в аппарате прокурора области больше заниматься нечем?

Я больше слушал и помалкивал до поры.

– У Федонина голова мудрая загадки разгадывать, а дело опера – живого вора ловить. У меня сыщикам работы хватает.

– Ваши занимались розыском отца Топоркова? – закинул я удочку.

– Олухи! Что сказать? – Каримов чуть не сплюнул. – Но мои здесь не при чём. Окочурился он у авторитета воровского, Большого Ивана. Вот где прятался, сукин кот. Выходит, далёкие связи были у отца с сынком! А Федонин всё следствие проводит, всё ищет чего-то! Вы, конечно, с его порученьем к нам? И вас припрягли? Закуривай, Данила Павлович, – он всё же жадно задымил.

– Спасибо.

– Надо было Боброву на первых порах инициативу не

упускать, когда дело в его руках было. Советовал я ему про экспертизу пепла, что в избе обнаружили. Другие мероприятия имелись! – Он взмахнул кулаком и грохнул от души по столу. – Так перехватили инициативу умники! Как же? Понаехали светила из центра. Один профессор чего стоил! Пулю взялся искать! Какую? Месяц в потрохах самоубийцы копался, а результат?..

Меня он не упоминал, валил на Боброва, понятное дело, кем я был для него? Неумеха, новичок, щенок несмышлёный, он меня старался не замечать... И теперь щадил, за глаза критикуя прокурора.

Дверь робко приоткрылась и в образовавшуюся щель попыталась просунуться мордатая неопрятная личность в шапке. Мужик открыл было рот, но приметив, что Каримов не один, замер.

– Какого чёрта! – заорал подполковник.

Проситель исчез.

Да, подумалось мне, сдаёт Каримов, когда-то им любовались не только подчинённые, но и некоторые женщины. Он схватился за телефон, начал накручивать дежурного, но трубку не брали.

– Курит, стервец, на крылечке, – поморщившись, бросил он трубку. – Ну, дождутся у меня! Народ шальной по коридорам шастает, а им хоть хрен по деревне!

Он откинулся на спинку стула, попытался изобразить спокойствие на вымученном лице.

– Так что же вы хотите от нас, Данила Павлович?

– У меня планы большие, – ответил я неопределённо. – Собирался допросить сторожа, который охранял архивное помещение. Как там всё случилось?..

– Так его Федонин уже допрашивал!

– Допрашивать-то допрашивал, но...

– Умер он.

– Умер?

– Не тревожьтесь, умер своей смертью пенсионер Дробкин. А какие вопросы? Войну всю прошёл, ранений не счесть, в больнице значился по болезни сердца.

– Как же это произошло?

– Как пенсионеры умирают? На рыбалку засобирался по ледку.

– Перед Новым годом?

– После. Аккурат недели три спустя. Меня кабана погонять пригласили, а тут Спиридоныч позвонил из дежурки. Я поэтому и запомнил. Зябликов ваш выезжал. У него весь материал, отказник должен быть.

– Отменно. Я посмотрю.

– А чего там смотреть. Случай очевидный. Труп у майны и нашли. – Каримов сощурил маленькие глазки. – Маркел Тарасович отсутствовал, он раньше меня на охоту укатил. Выходной был. Дежурный поставил в известность помощницу, Ольгу Николаевну, а она в город собралась. Вот и состоялся первый выезд Зябликова на место происшествия. Я ему в

помощь своих ребят давал.

– Спасибо.

– Чего уж там, – хмыкнул Каримов. – Ты, Данила Павлович, прямо таким официальным стал!.. Свои же! А случай тот ординарный. Бабка его, помню, взмолилась, чтоб не мучили деда, без вскрытия отдали хоронить. Зябликов, мягкий мужик, пошёл ей навстречу.

– Без экспертизы?!

– А чего? У деда ни одной царапины. Сердце отказало, больше и гадать нечего.

– Как же так? Нельзя без вскрытия!

– Да не горячись ты, Данила Павлович. Участковый мне рассказывал: у деда леска в руках, а сам привалился на бок, словно заснул. Вот так в жизни-то... Не знаем, что завтра будет.

Каримов поднялся, открыл форточку, тут же ворвался морозный воздух, и дым от его папиросы задуло в кабинет.

– Представляешь, что сейчас на фермах творится? – он даже цокнул языком, форточку захлопнул и обернулся ко мне. – У некоторых раздолбаев скот под открытым небом стоит! Дойку ведут в таких условиях! И хотят, чтобы молоко было!.. Эх, мать их!..

Это было слишком. Никогда не приходилось слышать от него подобного. Чтобы подполковник Каримов опустился до мата?

– Равиль Исхакович, – заспешил я, уловив откровенные

намёки побыстрее меня вытурить. — А куда подевались Быков с Сорокиным?

Дёрнулась его бровь, не отвечая, трубку накрутил, выругал за безалаберность дежурного, спросил, дожидается ли машина для поездки на фермы и поднял глаза на меня.

— Царапкин вам переправил поручение Федонина по установлению этих лиц. Но вы ответили: «Установить местонахождение не представляется возможным...» — я держал перед собой бланк с ответом, медленно прочитал: «Розыск ведётся, по обнаружению сообщим...»

— Квашнин, кажется, готовил, — поморщил он лоб, не притрагиваясь к бланку. — Зайди к нему, Данила Павлович. Он по оперативным вопросам.

— А вы не интересовались?

— Не помню, — взял он бланк. — Подпись моя. А-а-а!.. Пошёл того Сорокина ещё Усыкин с работы... за пьянство. Сигналы были, что наглец за рулём умудрялся прикладываться. После увольнения болтался в райцентре, но с такой репутацией кому нужен? Укатил в город. Там родственники его приютили. А Быков? Быков... Быков раньше сгинул. Этот не лучше. Два сапога пара! Нужны они вам, Данила Павлович? Какое отношение к уголовнику Топоркову эта братва имеет?

Жёстким его взгляд стал, горячим, да и он сам только что не дымился.

— Висяки раскрывать людей не хватает, — отвёл он глаза. — Первый секретарь райкома товарищ Борданов важными за-

дачами нагружает – надо спасать районное поголовье скота. С молоком крах. А ведь город кормить каждый день! Мальцов в детских садах тысячи, каждому дай, а у нас от коровы стакана не надаивают. В магазинах ни мяса, ни колбасы. Первый секретарь обкома Леонид Александрович Боронин каждое утро звонит и спрашивает одно и то же – сколько? Почему? Когда изменишь обстановку? Борданов вчера на бюро сказал: молоко – это барометр политической ситуации.

С последними словами он пригнулся к столу и перешёл на шёпот. Так и шептал медленно, исподлбья зорко следя за мной, будто я и есть тот бедолага с коровника. Впечатляло.

– А шпану ту я найду. Передайте товарищу Федонину. Обязательно. От Каримова ещё никто не уходил. Дайте месяц. Вот зимовку завершим.

– Дело в моём производстве, Равиль Исхакович.

– Вот как? – он даже обрадовался. – Ну тогда по-свойски я тебе их раньше откопаю. Приезжай к весне. А не отпустят, я их сам привезу в город. Всех на ноги подыму, а слово сдержу!

Возвращаясь из его кабинета по пустому коридору райотдела, я не мог не столкнуться с усердно изучавшим милицейские стенды косолапым верзилой, беспардонно ворвавшимся несколько минут назад в кабинет Каримова. Он, делая вид, что таращится на картинки, прятал от меня лицо.

«Сейчас Каримов устроит ему приём, – подумалось мне. – Меня-то чуть не укусил, а этого скушает».

Однако косолапый к начальству не бросился, лениво раз-

вернувшись, он протопал за мной, долго изучал взглядом, когда я вышел на улицу и направился в сторону районной прокуратуры. Неприятное чувство не покидало меня от его наглого подглядывания. На углу я задержался, поздоровавшись со Спиридонычем, седовласый капитан бросился обниматься, откровенно радуясь встрече.

– Что за личности? – поинтересовался я, мигнув на верзилу, возле которого уже жался ещё один тип с поднятым воротником.

– Особые ребята, – хмуро поморщился только что улыбавшийся Спиридоныч. – Я их не знаю. Значатся в дружинниках у Каримова, поддерживают порядок в особо отдалённых уголках.

– То-то я гляжу, они к нему без стука.

– Наезжают, отчитываются, – буркнул тот.

– Лично начальнику?

– Я же говорю, особая гвардия...

* * *

Зябликов суетился, прыгал вокруг меня, взъерошенный, словно воробей, размахивал руками. Не переставая, он выдумывал нелепые оправдания.

– Ну как так можно, Павел Степанович! – не успокаивался я. – Вы давно не новичок. Отдать труп, обнаруженный на пустынном водоёме, без вскрытия? Это же!..

Не находилось слов от негодования.

Зябликов сбивчиво мямлил:

– В городе меня оперативники нашли по телефону. У Алочки день рождения. В самый разгар позвали к трубке. Сами понимаете, ничего не разобрать.

– Значит, вы даже не выезжали на место происшествия? – удивился я.

– Вокруг гам, шум, веселье и участковый этот Кирьяшкин с осипшим голосом.

– А Каримов мне рассказывал...

– Он, видать, запамätовал. Кирьяшкин едва доорался, что старик умер. Я и не спросил, где его нашли. Выяснил про повреждения. Тот сказал, что заснул и сердце остановилось. Никаких повреждений.

– Где же Дынин был?

– Не помню. Выходной день...

– Всё равно следовало вскрывать. Закон для нас писан.

– Участковый тело бабке привёз, та его обмывать бросилась и тут же попика сыскала, собралась хоронить. А Бобров отсутствовал.

– Слышал, рассказывал Каримов. Что мне прикажете делать? Эксгумацию трупа? Народ на уши ставить?

– Бабка верующая. Богом просила. Не смог отказать. Виноват... – оправдывался следователь.

– Натворил ты дел, Зябликов. Всыпят тебе по первое число. А то и попрут со службы.

– Неужели так плохо, Данила Павлович? Криминала никакого. От болезни скончался покойник.

– Это азбука следователя. Ты позволил захоронить труп, не удостоверившись в причине смерти!

– А кто же нажаловался? – Зябликов совсем сник. – Вот паразиты! Бабулька его тоже померла. А родни у Дробкина не было. Я выяснял. Вдвоём они жили.

– Как умерла?

– Бабулька-то? Соседи рассказывали, радовалась, что долг выполнила, старичка схоронила и ей пора. Мечтала, вот и сбылось. И недели не прошло после похорон самого Дробкина.

– С тобой не соскучишься, лирик. Мадригалы не пишешь?

– Теперь не до стишков.

– Боюсь, ты прав...

* * *

Провожали нас с Очаровашкой Моисей Моисеевич и пёс Мурло. Заметала пурга, а мы предпочли в этой неудачной поездке городскую одежду деревенской. Выручил Моисей Моисеевич, всучив отнекивающейся Очаровашке, как когда-то Пугачёв герою «Капитанской дочки», свой тулупчик «чтоб не так дуло». Автобус уже ждал последних пассажиров, шофёр торопился, докуривал сигарету, переминаясь у двери, подгонял запоздавших весёлыми присказками. Мы

обнялись с Моисеем Моисеевичем, подёргали Мурло за уши и забрались в автобус на свои места. Я чмокнул Очаровашку в щёку, вытянул ноги и попробовал вздремнуть – в салоне гуляла стужа, но тулупчика с успехом хватало на обоих. Я закрыл глаза, в голову лезли неприятные мысли. От истории, которую учудил Зябликов, дурно пахло...

Наш автобус вдруг резко качнуло, и он остановился. В чём дело? Едва выехали – и на тебе! Жаль открывать глаза, я только пригрелся под тулупчиком, однако толчок в бок расшевелил.

– Данила Павлович! Попрошу на выход! – знакомый голос капитана в милицейской шинели влетел с улицы в распахнутую переднюю дверку. – Товарищи пассажиры, я дико извиняюсь.

На обочине, обогнав наш автобус, стоял пышущий могучим двигателем, теплом и уютом здоровущий грузовик. Квашнин и водитель уже суетились у выхода, дожидаясь нас.

– Во! Доставит вас до дома в целости и сохранности! – капитан кивнул на грузовик.

Облегчённый на две человеческие души автобус торопливо укатил.

– Ну и чего? – всё же поинтересовался я. – Чепэ районного масштаба?

– Не расстраивайся, Данил Павлович, – подсаживал Очаровашку в кабину грузовика Квашнин. – Но у нас так просто не провожают.

– Что надумал?

– Держи, – сунул он мне две стопки и достал фляжку. – Я тебя чаем в тот вечер ухайдакал. Вспоминать меня будешь недобрым словом. Когда ещё увидимся?

– Мальчики! – крикнула Очаровашка. – Опоздаем на паром!

– Всё нормально, – успокоил Квашнин. – Машина доставит в две минуты, ещё автобус обгоните. Давай, дружище! За успех нашего безнадёжного дела! Не забыл там в городе, как бывало на капоте?..

Мы выпили, и он наполнил по второй, сунув воблу:

– Удалось решить проблемы, с которыми приезжал?

Я лишь отмахнулся:

– Какой там... Придётся ещё раз приезжать. Но результат отрицательный не есть неудача, а тема.

– Для более серьёзных размышлений, – подхватил Квашнин.

– Вот видишь, – похлопал я его по плечу. – И тебе пригодились мои уроки. Запомнил?

Мы выпили по второй.

– Я к твоему новому визиту отыщу тех... – Квашнин кивнул за спину, – оставшихся.

– Мало их уцелело. Гляди, не вышло бы как с отцом Топоркова. Поспеешь к хладным телам, – мрачно поблагодарил я его.

Из дневника Д. П. Ковшова.

Ранняя весна

*Я правду расскажу о них такую, что хуже
всякой лжи.*
У. Шекспир

Однажды, совершенно случайно наблюдая за кошкой, стерегущей жертву, я подумал, – а не происходит ли то же самое с нами? Как она сжалась и напряглась для молниеносного прыжка! Как горят глаза! Прожигают огнём, зорко следят за каждым движением беззаботного, обречённого существа! Мгновение – и жертва в безжалостных когтях. Клыки на глотке, смерть!..

Так и мы. Суедемся безмятежно. Порхаем в небе фантазий, в заботах будней. Вкушаем плоды, рассыпанные там и тут.

А Оно?! Неведомое и страшное, тёмная зловещая иррациональная сила уже агрессивно нависла над нами, следит сатанинским оком и только ждёт своего часа, удобного случая. Оно жаждет наших мучений, нашего конца, расставив коварные ловушки и капканы, развесив паутину. Ты ещё ничего не знаешь... Ты доволен и смеёшься... Но ты обречён. Удар! И всё...

* * *

– Перекочевала старушка, – Зябликов услужливо оповестил меня, отыскав из деревни по телефону. – Запугал наш Брякин её своей методой и средствами. Некоторые склонны считать, что главврач экспериментировал над беднягой.

– Долго в больнице мытарилась? – удивился я. – Больше месяца? Сам собирался выехать, но мне обещали, что выпишут скоро и приедет сама.

– Выписывали. Только поторопились. На другой день «скорую» пришлось посылать. Брякин заподозрил даже паранойю.

– Что же такое с бабушкой? Она мне очень нужна. Где же теперь болезнь?

– В областной больнице Зинаида Фессалиевна Костыревская. Дочка возле неё дежурит.

* * *

Конечно, пора остепениться, а то всё на побегушках – фигаро там, фигаро тут. Набраться наглости, вломиться к Колосухину, грохнуть кулаком по столу, так, мол, и так!.. Нет, наверное, кулаком это слишком, да и грохнуть тоже... в общем, зайти и возмутиться!..

А впрочем, переживания бесполезны. В круговерти, что именуется буднями следственного отдела, ничего не изменить: то спешные обобщения хищений заставляют делать, то анализы жалоб и причины самоубийств суют изучать, а там и уголовное дельце сваливается, возбуждённое кем-то наверху по гневной статейке в газете. Время такое, что газеткой не только муху, любого начальника прихлопнуть легко.

Всё бы ничего, но при этом не освобождают от обязанностей зонального прокурора! А придёт пора спрашивать об итогах работы за полугодие, шкуру станут драть пуще Сидорова-старшего с Сидорова-младшего.

Позавидовать можно старушке Зинаиде Фессалиевне. Во, отчеством её папанька наградил! Небось грек? Лежит она сейчас спокойненькая вся на белых простынях, на пуховых подушках при кружевном чепчике, не клятая, не мятая.

От зависти захотелось есть. Стрелка на часах перекочевала к полудню, вот почему за дверьми такая тишина и в кабинет никто не рвётся. Звонки, и те смолкли. Ан нет, шажки к моей двери, и Людмила Михайловна, опекающая меня замша городского прокурора, на пороге:

– Не забыли про обед-то, Данила Павлович? Наши девчата сегодня ого-го что удумали!

По заданию Колосухина я возглавляю бригаду проверяющих в этой прокуратуре. И заместительша с меня глаз не спускает, её задача проста – обеспечить работу ревизоров и следить, абы не накатали лишнего в справку. Естествен-

но, подкармливать в положенное время. А ради нас устроили конкурс: коллектив преимущественно женский, поэтому ежедневно каждая хвастает своим кушаньем, а мне уготована роль главного дегустатора. Вчера сама Людмила Михайловна потчевала нас блинчиками с мясом, сегодня очередь Веры Сергеевны. Эта черноглазая брюнетка грозила перещеголять всех, намекнув на сюрприз.

Одним словом, если вовремя чего-нибудь не придумать, не узнает меня Очаровашка, вдвойне увеличусь в размерах.

Взвесив желания и последствия, вместо обеда я решил сгонять в больницу к Зинаиде Фессалиевне. Польза двойная, под шумок и смылся.

* * *

Теперь известно, почему лорды Великобритании и даже своенравный Джонатан Свифт не выходили на улицу без парика.

Я догадался только что, застав Зинаиду Фессалиевну в палате, «витавшую в чудесных сновидениях», как она позже выразилась. Было на что посмотреть! Мои собственные волосы едва не встали дыбом, зато на её полированной словно зеркало маленькой головке не было ни волоска. Визг и её выпученные глаза отбросили меня за дверь. Люди добрые!..

Вторично заглянув в палату после величественного «войдите!», я узрел королеву, гневную, но снисходительную, а

потом и слегка фривольную. Полной блистательности мешала проказница косичка (откуда она взялась на дыннообразной поверхности головы, вообразить невозможно), седая и нахальная, она подводила старушку.

– Вот теперь пожалуйста, молодой человек, – было сказано сердито.

Нет, возраст не помеха, если женщина не застигнута врасплох. Зинаида Фессалиевна держалась вполне недурственно.

– Наслышана от товарища Зябликова, что желали меня видеть. С вашим патриархом, знаменитым Федониным, мы ведь так мало виделись, – кивнула она на стульчик рядышком. – Наша встреча состоялась бы и ранее, но, простите покорно, этот треклятый Мирон меня просто залечил!

– Если не ошибаюсь, главврач Бирюков?

– Его зелье и усердие едва не свели меня в могилу.

– Лежал у него, – поддержал я её, развивая знакомство, – потчевал он и меня.

– Что? Вы уцелели? Какое счастье! – Зинаида Фессалиевна обожгла коротким разящим взглядом. – Чего он добивался? Неужели им так ненавистна моя многострадальная личность?

«С психикой у неё, конечно, проблемы, – подумалось мне. – Следует пока воздержаться от нажима».

– Чего они все хотят, Данила Павлович?

«Кажется, с этого, с навязчивой мании преследования, и начинается шизофрения...» – не покидала уже и меня тре-

возможная догадка. Вопрос её прозвучал явно не риторически.

– Зинаида Фессалиевна, – постарался я переключить её на другую волну, – не вижу вашей дочери. Рассказывали, она вас не забывает? Хорошо, когда рядом есть на кого опереться.

В такие моменты важно не перегнуть. Старики остро подмечают ханжество. Но мне было не до этого. Безвозрастно дряхла, в чудаковатом парике, с жеманными манерами и наивным желанием выглядеть моложе, она вызывала жалость. Мучить её своими расспросами расхотелось.

– Розалочка, козочка моя, на минутку отлучилась, – старушка изобразила улыбку. – Но не лукавьте, любезный Данила Павлович, мне известно, что вас интересует моя персона. Не так ли?

Вот хватка! Поражают люди такой закваски! Нашему чахлому поколению далеко до них, мы тугодумы, а они! И тактом, мудростью и умением держать хвост пистолетом нас превосходят. Сконфуженный и посрамлённый, я не знал, как начать.

– Приступайте к допросу. – Она заговорщицки прищурила глаз и шёпотом добавила: – Иначе можете не успеть. Зябликов скрывал от меня, но Розалочка проговорилась... – она сделала глаза очень впечатлительными. – Семёна Васильевича не стало...

У меня сами собой взлетели брови.

– А-а-а?.. – подмигнула она ещё таинственной. – Теперь,

детектив, я у вас единственная улика!

Да, эта женщина рождена поражать! Актриса! Только что она казалась мне полоумной, теперь я поверил в обратное – передо мной пылали пронзительные очи второй миссис Марпл! Она знает о гибели сторожа архива Дробкина!.. И изъясняется так, будто ей известно кое-что большее о причинах гибели...

– Фёдору Кондратьевичу Усыкину в своё время я подробно излагала поведенное мне покойником, – не дожидаясь вопросов, заспешила бывшая заведующая архивом. – И память тогда была посвежей, и я ещё при должности. Он прислушивался. Те мрачные события и сейчас будто перед глазами. Вы успеваете записывать? Как жаль, что я заболела и меня отправили на пенсию до приезда Федонина. Как жаль!..

Я успокоил её кивком, и она углубилась в подробности.

Материалы уголовного дела я помнил наизусть, но история, поведенная старушкой, прозвучала иначе. Я не перебивал её, сравнивая услышанное с читаным. Она не упустила ни одной детали. Вот вам и полоумная! Кто же пустил о ней такую гнусность?

– Значит, вам первой Дробкин рассказал о поджоге?

Она решительно кивнула.

– И он утверждал, что видел банку с бензином? Что неизвестный соорудил ворох хлама под стеной архива, облил и бросил горящую спичку?

– Сначала закурил сам.

– Ну да. А куча полыхнула?

– А как же иначе? – всплеснула она руками. – Почему-то Усыкина это интересовало, а Каримову виделось в другом свете!

– И Дробкин опознал незнакомца?

– Он испугался, твердил мне, что может ошибиться.

– Назвал?

– Нет. – Она сложила на груди тонкие ручки. – А ведь в милиции Каримову он совсем отказался говорить.

– Как?

– Разве вам это неизвестно?

– В деле есть его показания. На допросе у Федонина он показал, что лицо поджигателя запомнил, а про бензин ни слова.

Костыревская поправила парик, отвернулась, затеребила подушечку на кровати; подушка хранила домашнюю вышивку и яркостью резала глаз среди больничной серости.

– И он за ним не гнался?

– Дробкин тушил огонь. Если бы не он, архив сгорел, – она помолчала, глаза её повлажнели. – Я ничего не выдумала. И в своих объяснениях то же самое описала Усыкину. Если б был жив Семён Васильевич...

– А архив потом вывезли? – нарушил я её мрачную задумчивость.

– Ну зачем же? – она словно в меланхолии, покачала головой. – Увезли бумаги, что потребовал Усыкин. Ну и, ко-

нечно, без того, что было украдено, — она бросила на меня возмущённый взгляд. — На следующий же день в моём присутствии Фёдор Кондратьевич организовал осмотр всех помещений архива. Вот тогда мы и нашли развороченный стеллаж и отсутствие ячейки с документами в одной из секций. Это были бумаги позднего революционного периода, или уже начала Гражданской войны... Знаете ли, тогда всё перемешалось, кто возьмётся граничить то время?

Хорошо она сказала, действительно не то чтобы разграничить, разобраться-то непросто.

— Грузили на машину Сорокина? — поторопил я старушку, часы подсказывали о давно прошедшем обеденном перерыве.

— Фёдор Кондратьевич выделил машину, хвастал, что машина совсем новая, подарок Управления, номера городские не успели поменять, и шофёра Сорокина наставлял, чтобы внимательней был за рулём. Был ещё грузчик. Лентяй отъявленный.

— Трезвые?

— Да бог с вами, Данила Павлович! Усыкин разве позволил бы?

— Я обязан интересоваться...

— Тут некоторые на этот счёт тоже имели большие сомнения, — съязвила она. — И вы туда же!

— Это кто же?

— Да уж, любезный Данила Павлович, избавьте меня...

Дверь палаты без стука отворилась, и на пороге появилась высокая женщина. Бледная и худая, в проёме она казалась чёрной, с лицом, про которое лучше промолчать. В руках держала авоську с бутылками молока.

– Розалочка, козочка моя! – всплеснула руками Костыревская. – Ты очень кстати! Мы с Данилой Павловичем как раз вспоминаем ту историю.

– Мама! Ну сколько можно говорить? – недовольно зыркнув на меня, женщина прошла к окну, выгрузила авоську на подоконник. – Опять с посторонними!

– Ну, прости, прости, дорогая, – Зинаида Фессалиевна слабо улыбнулась мне. – Однако ты не права. Данила Павлович новый следователь. По тому же вопросу. По архиву.

– Что архив? – дочь устало села в самый угол. – Он не утонул лишь по той причине, что машину опередила дочка Хансултанова. Сколько трепать нервы! И ведь всё одно и то же!

– Да-да! – старушка обхватила руками голову. – Это произошло в тот самый трагический день!

– Вы что-то видели? – повернулся я к женщине.

– Сосед сказал, – буркнула она.

– Савелий Кузьмич, – подсказала Зинаида Фессалиевна. – Он был в тот страшный миг у полыньи и всё видел, даже самого Хансултанова.

– Мама! – охнула дочь, остерегая.

– А что особенного я сказала? – не смешалась та. – Разве

неправда? Почему это надо скрывать?

– Как бы мне встретиться с вашим соседом?

– Опоздали, – сдвинула брови дочь. – Жихарев Семён Кузьмич выехал за пределы области.

– Совсем?

– С женой и манатками, – отвернулась она.

* * *

Я догадывался, кто мог учудить такое. На подобное способен один человек. Например, пропасть на неделю и позвонить из какого-нибудь дальнего района, сообщив как ни в чём не бывало разбушевавшемуся начальству, что раскрывает забытый «висяк», на который давно рукой махнули, а его, видите ли, неожиданно осенило. Или того пуще, закрывшись от всех у себя на «чердаке» третьего этажа, он проторчит там до утра, а перед прибежавшей с зарёй перепуганной женой предстанет с зубной щёткой, заявляя, что разрабатывал версии по убийству прошлых лет. Это Паша Черноборов, прокурор-криминалист. Павел Никифорович его называет «Богом тронутый», сам Колосухин ему всё прощает. А куда деться? Талант!

Его и били, словесно, конечно, и пытались перевоспитывать. Как с гуся вода! Жена ревновала поначалу, и даже прибегала с тайной жалобой к заму, намекая на умывальник в кабинете, то да сё, но потом смирилась и сама же снабдила

мужа постельными принадлежностями, чтобы гений не мучился на стульях или в кресле. Виктор Антонович, не сдержавшись, как-то выразился: «А что вы хотите? Он не от мира сего. Гении и полоумные, где грань? Ещё Ломброзо пытался выяснить, а что получилось?!»

Не знаю, что получилось, но Паша действительно голова! В шахматы он играет лучше всех, Гёте может читать в подлиннике, а как-то увлёкся Басё, его хайку, и принялся изучать японский язык! Слышали когда-нибудь:

Всё, чего достиг?
На вершине гор, шляпу
Опустив, прилёг².

«Но ложиться-то отдыхать ему рано, он ещё не такое наговорит», – так выразилось начальство в лице Виктора Колосухина, когда Черноборов с важным видом осенил нас этим таинственным хайку.

Талантов у Пашки много, и этим утром, подходя вместе с Колосухиным к зданию прокуратуры, я не сомневался, что перед нашими глазами его рук дело. Столкнувшись с заместителем у газетного ларька, я не переставая рассказывал о ходе проверки, которую заканчивал в районе, но он меня перебил:

– Это что за суматоха? – уставился вперёд и замер. – Ни-

² Мацуо Басё (1664–1694) – классик японской поэзии; хайку – трёхстишие.

чего ночью не случилось?

У подъезда аппарата областной прокуратуры, перекрывая тротуар, шумела и гудела толпа народа. Такие очереди даже по средам, то есть в приёмные дни не выстраивались, а теперь наблюдалось настоящее столпотворение! Улочка, где стоит наше старое, ещё дореволюционной постройки здание, тиха, мала и никому не известна. Тротуарчик узок, двум проходим не разойтись, чтобы не столкнуться, а сбоку шоссе со шныряющим автотранспортом да ещё крутой поворот. Одним словом, заведомо аварийный уголок, но в обычной обстановке проблем никаких, кроме любопытных дворняг и мамаш с мелюзгой, утречком волокущих её в детский сад. А тут не узнать тихую обитель! Дети терялись в толпе и пищали, мамы, расталкивая очередь, ругались и орали, толпа гудела и неистовствовала.

– Может, ночью что? – изменилось лицо у Колосухина.

Оно у него странным становится в таких случаях, лоб пунцовый, а скулы и подбородок словно меловые с синевой от бритой щетины: двухцветный флаг какой-то державы.

– Утренняя сводка если?

– А что там? – шеф два дня просидел на совещании в УВД, отвлёкся он от будней.

– Расчленёнка в Советском районе, – напомнил я ему. – Нижнюю половинку мужика нашли под мостом. Без Паши не обошлось.

– И вы полагаете? – вскинул он глаза.

– И гадать не стоит. Он опознание затеял.

– По одним ногам?

– Ну уж не знаю... Может, с приметами? Особые какие ноги? С татуировкой, например?

– С татуировкой только у преступников, или... – поджал губы шеф, и лицо его начало приобретать только один пунцовый цвет от прихлынувшей ярости.

– А публика-то какая! Вы гляньте! Вор на воре, бомжи и эти, – я запнулся, – женщины лёгкого поведения.

– Зачем же он их сюда-то? Зачем к нам! Их в морг!

– Ну... Паша опять что-то не учёл.

– Вы думаете? – Шеф уже решительно двинулся вперёд. – Сейчас Игорушкин объявится, а здесь чёрт знает что!

Колосухин – личность особо деликатная, и если он начинает нелитературно выражаться, значит, грядут последние дни Помпеи. Я бросился на помощь Черноборову, который уже суетился среди неуёмной толпы и что-то пытался объяснить. Моя догадка подтвердилась: начальнику районной милиции Туманову, на территории которого всплыли останки, он поручил собрать соответствующую публику криминальной наклонности для опознания личности убиенного, но, как это бывает, поручение переадресовали лоботрясу из дежурки, и тот ничего лучшего не придумал, как обязал всеёленькую компанию вместо морга явиться под очи областного прокурора. Во всей этой трагикомичной ситуации пострадали все: нам с Пашей выпало автобусом вывозить воз-

мущённый криминал от парадного подъезда, а Виктору Антоновичу – отдуваться перед боссом, ибо как мы ни старались, Петрович всю эту картину узрел и потом не раз расписывал на совещаниях этот «пример изошрённого разгильдяйства». А делал это он умело, присовокупляя такие проповеди любимыми словами: «Опять бодягу развели!» Бодяга – это безобидная трава, но если дать ей разрастись, она любую речку в болото превратит, можете не сомневаться.

Во всей этой истории одно белое пятно – в морге нос к носу я столкнулся с капитаном Квашниным, Петро мучил вопросами восходящее светило нашего экспертного заведения Славу Глотова. Тот обрадовался нашему появлению и улизнал, а с Квашниным мы уединились и поболтали от души. Он многое мне поведал о том, что произошло в районе после нашего с Очаровашкой отъезда, но меня интересовало главное, и я не переставал его допытывать.

– Странное во всей той истории на пароме, – морщился Квашнин, – что проверкой обстоятельств гибели Елены Хансултановой занимался сам Каримов.

– Как?

– Ничего не пойму, – развёл он руки. – Равиль не любитель сыска, а тут изъездился весь, на месте не сидел, будто его подгоняли.

– Может, поручение Хансултанова? Тот ещё жив был.

– В больнице лежал, но слова сказать не мог, его полностью парализовало, а Равиль к нему бегал. С женой встре-

чался, а когда сын, Марат, из Саратова на похороны приезжал, они всюду вместе были.

– Вот тебе и ответ.

– Нет. Наш Каримов не тот человек, чтобы из-за каких-то симпатий себя переделывать. Здесь что-то другое...

– Ты мне по сути давай.

– А по сути вот что, – поджал губы капитан. – Постановление отказное о её гибели он сам сочинял. И весь материал у него до сих пор в сейфе хранится.

– Это интересно.

– Интересно и другое, что в тот день, когда дочка в полицию угодила, папаша тоже там был. Неизвестно пока, в какое время он переезжал, но сам за рулём служебной «Волги», а главное, так же, как и дочь, он игнорировал паром.

Квашнин так и выразился, важным взором окатив меня с ног до головы.

– Ну сегодня денёк! – не удержался я. – Пашка Черноборов только что, а теперь вот ты. Добьёте такими открытиями!

– Это ещё не всё, крепись, – хмыкнул Петро. – Сам же просил. Они в одном месте переправлялись через речку, только отец пораньше, из города возвращался, а дочка, наоборот, туда торопилась. Если б не она, в майну бы залетел грузовик с бумагами районного архива.

– Однако! – откинулся я назад, но меня спасла стенка.

– Ты поосторожней, – хмыкнул Квашнин, – тут хоть и морг, но зачем спешить раньше времени.

– От таких известий свихнёшься!

– Каримов, конечно, всех очевидцев установил, но сунул-ся я к нему с вопросиком, он на меня так глянул, что до сих пор мурашки по спине.

– Испугался?

– Понять дал, чтобы не лез не в своё дело.

– Значит, в сейфе хранит?

– Очевидцев теперь не установить. Это же не наша территория, – усмехнулся он, – я тайком сгонял в соседний район, поинтересовался у кореша-коллеги, а он на меня глаза выкатил – Каримов сразу согласовал с начальством, что проверкой причин смерти дочери первого секретаря райкома будет заниматься сам. Те обрадовались, что лафа свалилась, канители, сам понимаешь, сколько от начальства... – Квашнин огорчился, глядя на мою унылую физиономию. – Пытался я тебе помочь, Данила Павлович, замаячила даже фигурка одна, вроде как на свидетеля похожая, но выехал тот из деревни ни с того ни с сего...

– Жихарев?

– Он... – опешил капитан. – А тебе откуда известно?

– Зинаида Фессалиевна поведала.

– Полоумная...

– Не думаю. Она производит впечатление здорового человека. Просто кому-то понадобилось объявить её таковой.

– Равиль только так её и именовал, пока в город дочь её не увезла.

– А перед речкой, значит, Хансултанова обогнала грузовик с архивом? – продолжал я его пытаться.

– Обогнала. У неё же «москвичок» полегче, пока те по ухабам, она их обогнала – и вперёд. Не она, так те, Сорокин и Быков, подо льдом оказались бы.

– А просьбу мою ты не забыл? Или и тут начальник дороги перешёл?

– Искать их нет надобности.

– Нашёл?!

– А ты спроси, почему у экспертов с утра околачиваюсь?

Меня потихоньку затрясло:

– Сделай милость, товарищ капитан, не вали с ног.

– Разбился Сорокин, – отвёл глаза Квашнин. – Насмерть. Не у нас. В городе. Со мной дружок из Кировского района поделился, вот и подскочил я к медикам.

Вопросы иссякли сами собой. Мне захотелось присесть и выпить что-нибудь покрепче.

– С женой встречался, похоронила она его, а заключение завалялось, спешка никому не нужна, да и сам покойник не тот, чтобы им кто интересовался.

– Как же его сподобило?

– Устроился на машину, он же шофёр. Ну и попивал, наверное, как прежде.

– Погиб как?

– В столб врезался. Со всего маху. В акте экспертов сказано: промилле в крови столько, что нам с тобой закусывать

да закусывать.

– Мы и не пили с тобой, Петро, – меня тянуло на воздух, не любитель я по этим медицинским учреждениям разгуливать.

– Теперь запьём...

Мы вышли на крыльцо. Черноборов убежал раньше, его уже разыскивал Колосухин, опять кого-то нашли в каком-то районе, и Паша, сдав публику и неопознанные ноги убитого Глотову, умчался, не простившись.

– Ты материальчиком на Сорокина всё же поинтересуйся, – напомнил я Квашнину без энтузиазма. – А столкнёшься с трудностями, дай знать, я сам запрошу.

Он кивнул.

– Про Быкова-то что молчишь? Или тоже обнаружили где-то его косточки?

– Этот не пропадёт, – хмыкнул Квашнин. – Пройдоха. Повсюду дом родной. Он на юг смотался. В тёплые края. А за ним гнаться – командировка нужна. Поможешь?

– Издеваешься? Что же они разбегаются, как тараканы?

– Тараканы хитрые, бегут от яда.

– Я поручение Максинову направлю. Попросись в поездку.

– Нет, мил человек, – начал раскланиваться Квашнин. – Поездку на юга, конечно, решай. Но если начальство убедишь, пусть от Лудонина кто-то едет.

Мы с кислыми выражениями на лицах отвернулись друг

от друга. Я его понимал – возразить нечего.

– Значит, и Жихарева мне не видать? – всё же бросил я.

– Дохлый номер...

* * *

Месяц заканчивался, а с ним и квартал, под итог любого периода даже самым занятым и забывчивым «аукается профыренное», так выразился старый лис (а Федонин слов на ветер не бросает), и действительно в конторе затеяли семинар по нераскрытым убийствам, запланированный ещё в прошлом году, но перенесённый и забытый. Хотя Игорушкин снова критиковал отдел за позднее включение, сварганили мы его отменно, затащили на трибуну отчитываться каждого прокурора района, который отличился с «висяками». Выступая, я удостоился похвалы за латинскую фразочку, задевшую самого Петровича. Втиснул в доклад «Qui prodest», помните главный принцип розыска – кому выгодно? Но похвалил один, а Колосухин покосился, мол, что за выверты, лучше б показатели улучшали! Однако среди общей феерии обошлось, а польза осталась: на семинар пригласили работников милиции, ответственных за раскрываемость, и в перерыве меня затискал в объятиях Квашнин.

– Я здесь не один, – лыбился он с начальственным видом и свысока кивал на застенчивого, громоздкого даже в просторном актовом зале детину. – Единицу, наконец, дали, вот,

прошу любить и жаловать, Сашок Матков, теперь начальник нашей уголовки.

– Как же! Помню, помню, – изобразил я радость.

– Да не лукавь, Данила Павлович, – хмыкнул капитан, – он ещё учился, когда ты пахал. Но смыслённый. Уже проявил себя. Кстати, по твоим поручениям. Я доверил.

– Отменно, – едва не вскрикнул я от скромного рукопожатия новичка. – Значит, с вами будем раскрывать дело Топоркова?

– Так точно! – рявкнул тот.

– Ну что ты так сразу, Данила Павлович? Я с себя ответственность не снимал. И сюда приехал не только по приглашению. Кое-что привёз. – Квашнин хитро прищурился: – Нам бы пошушукаться где-нибудь...

– После семинара, как?

– Принимается.

И я пригласил обоих «на чердак» к Черноборову. Туда, чего греха таить, по пятницам забегали знакомые прокурорские после тяжких трудов. Пообщаться, расслабиться, получить совет, просто потрепаться. Огонёк зелёной лампы криминалиста многих привлекал. Спиртным не злоупотребляли, но попадались надоедливые. Вот для таких пригодился манекен Федька. Он появился в кабинете криминалистики как большая находка для обучения молодых следователей осмотру места происшествия. В изодранной одежде, с ножом в груди, незаменим и впечатлял. В первую же ночь в проку-

ратуре наделал шуму. Уборщица приняла его за натуральный труп и едва сама не отдала богу душу. После Паша с успехом применял манекен в качестве устрашения нежелательных гостей. Хватало одного раза, тот, на которого сваливался окровавленный Федька с ножом в груди, больше на пороге не появлялся.

Зная про это, Квашнин поинтересовался насчёт здоровья злосчастного пугала, но я его успокоил: Павел Фёдорович будет рад видеть.

Так и случилось, мы спокойно пообщались, разложив выпивку и закусь, а когда Черноборов повёл Маткова разглядывать стенды с огнестрельным оружием – гордость его криминальной коллекции, Квашнин приступил к главному:

– Заранее предупреждаю, то, что сейчас скажу, у меня самого в башке не укладывается.

– Подсознание включай.

– Помнишь, уезжал ты из деревни? Я вас с Очаровашкой в грузовик пересадил?

– Прекрасно доехали, спасибо.

– Проходит пара недель, выехал я на кражонку в одну из деревень. Встретил знакомую, а та незаметно записку суёт и намекает, как ты меня на ваш «чердак», – конфиденциально. В записке просьба шофёра того грузовика, что ждёт он меня на окраине. Я в толк не возьму, что за тайны? Он не агент зашифрованный, я с ним запросто, обычно он сам в отдел заезжал, предлагал помощь, а последнее время пропал, я уж

думал, не заболел ли. Ты кого напугался, спрашиваю. А он мне и выдал!..

Квашнин выкатил глаза, скосился на Черноборова с Матковым, но те увлеклись револьверами, дивиться было чему, из них совершались разные убийства прошлых лет.

– Чем же он тебя удивил?

– Может, дольём сначала? – смял сигарету Квашнин и разлил по стопкам.

Мы выпили.

– А вот слушай. – Квашнин уже закуривал следующую. – Приглашает его в райотдел Игралиев. Рыбник наш. И начинает крутить. Ты, говорит, краснухой занимаешься, браконьерничаешь, жалуются рыбаки. Тот ему, беру, мол, на котёл, но не торгую. Он ему – не зарывайся, Квашнин тебя не спасёт. Ну, парень скумекал: чего надо? Тот – ерунда, маляву накатать.

– Заявление, что ли?

– Заявление, заявление, – кивнул Квашнин. – На тебя!

– Ну дела! – опешил я.

– Прокурор областной прокуратуры, злоупотребив служебным положением, использовал автомобиль в личных целях...

– Какая мерзость!

– А с капитаном Квашниным, мол, будет особый разговор, – закончил Петро и разлил остатки из бутылки.

– Ну и что? Накатал он маляву?

– А нет шофёра.

– Как нет?

– Отправил его начальник автоколонны в срочную командировку.

– Но это не метод, – засомневался я.

– Добровольно. На месяц. В другую область. – Квашнин пожал плечами. – Хватит месяца-то, Данила Павлович?

– А сам как?

– Игралиев – правая рука Каримова, – поморщился он. – Что-то затаил на тебя подполковник. Чем ты ему досадил? И я в опалу угодил. Не доверяет мне теперь начальник, замечаю, косо глядеть стал.

– В город-то его перестали звать? В Управу?

– Что-то не спешат.

– Да, порадовал ты меня, Петро, новостями... А что же новичок наш нагрёб? – я кивнул на Маткова. – Чем хвастал?

– Он Жихарева тебе нашёл. И знаешь, куда тот подался?

– Не морочь голову!.. – в расстроенных чувствах я был безутешен.

– По сведениям паспортного стола, выехал Савелий Кузьмич с разлюбезной своей женой Румиёй.

– Румия?

– Большая мастерица, хорошим магазином вертела в райцентре и жили они припеваючи, а за неделю, почти всё распродав, удрали оба за Урал.

– Вот как!

– Прищемил им кто-то хвосты. Савелий ведь тоже не абы кем значился, известный человек был в заготконторе.

– И этот, выходит, пропал?

– И этот.

Из дневника Д. П. Ковшова. Май

– Отчего бабушка умерла?

– Грибами отравилась.

– А синяки?

– Есть не хотела.

Услышанный анекдот

От рождения мы безгрешны, если зачаты в любви. Мы просто херувимы.

Появившись такими ангелочками, наивно полагаем, что и всё вокруг устроено так же. И только потом, наткнувшись на подлость и грязь, умнеем.

Но до этого времени ещё надо дожить! Натерпеться лишений, свалиться в скрытые ямы, раздробить ноги в капканах, истерзать тело, разбить лицо и душу. О, мудрость! Постигнув всё, начинаем выдумывать свои правила. Отгораживаемся уловками, предупреждая неприятные чувства, которые пережили сами, опираясь на опыт ошибок и набитых лбов, роем ямы сами злейшим врагам, расставляем капканы...

Замкнулся круг? Нет. Мы идём дальше своих учителей.

Если позволяет положение в обществе и завоёванное кресло, изобретаем законы, надеясь на их защиту. Но что наши законы, писанные для других! Мы уже забыли, как сами разбивали лица, считая их подлыми. Нам не вспомнить прошлого, не заглянуть в себя. Не понять тех, кто теперь, про-

клиная нас, пытается пробраться сквозь выстроенные нами заграждения, расставленные ловушки и лабиринты...

* * *

Илья объявился сам, примчавшись к обеду и влетев в кабинет разгорячённый, пыльный, в распахнутой «ленинградке» и с взлохмаченной, как обычно, шевелюрой. Глаза его сверкали ярче очков на носу. Весь он являл сгусток нерастраченных сил и положительных эмоций, на лице беспечность, свойственная влюблённым: мои наблюдения основывались и на доверительном телефонном звонке Моисея Моисеевича, что «внук, кажется, женится на прекрасной Жечке».

– Затянулся твой вояж, – позавидовал я, обнимая приятеля. – В каких конторах найти таких добрых дядьков, отпускающих подчинённых на месяцы?

– Накопил, – плюхнулся на стул Дынин. – Сам знаешь, сколько не отдыхал, а Владимир Константинович наградил подвернувшейся стажировкой у московских коллег.

– Потом Париж, Канары... научный диспут?

– Последние достижения наук изучал, – заважничал Илья. – Теперь перетрясём судебную медицину. Знаешь, какие перспективы и возможности открываются?

– Утрёшь старика Хоттабыча?

– Без проблем. Полгода нож на дне пролежит, а я отпечат-

ки пальцев выдам.

– Вот так поднесёшь к носу?..

– И тебе на стол.

– Ты уж тогда и фамилию сразу не забудь.

– Постараюсь.

– Когда свадьба-то?

– Осенью.

– Вот те на! Полгода нам мучиться и дожидаться...

– Ничего, гуляки, потерпите.

Да, изменился мой приятель. От его угловатости, скованности и замкнутости не осталось и следа. Вот что творит с человеком любовь! Бесшабашная удаль и молодецкий задор так и рвались из его пышущей груди.

– Слушай, дружище, – вернул я его к нашим земным заботам, – ситуацию мудрёную разрешаю. Не поможешь, раз уж тебя в столице подучили?

– Отчего же, просвещу.

– Дело серьёзное, – согнал я улыбку с его губ. – Посмотри содержание вот этого «отказника». Мне бы хотелось, чтоб ты обратил внимание на медицинское заключение, хотя представляют интерес и бумаги оперативников.

И я вручил ему проверочный материал о смерти сторожа Дробкина.

– Сейчас посмотреть?

– А что? Занят? Ты только учти: эксгумацию тела делали. Поэтому, с учётом, так сказать, временных изменений...

– Тут некоторая оказия, Дан... – замялся он.

– Не мучайся, словно на первом свидании.

– Приехал я не один.

– С Евгенией? – всплеснув руками, затормошил я его. –

Каков обормот! Где она?

– Нет, – смутился Илья и запнулся. – Вечером женщина к деду пришла, попросила устроить с тобой встречу. Ты прости, Дан, но отказать не смогли...

– Ну-ну. Продолжай, женский угодник.

– Она, правда, не в себе. Я засомневался, в здравом ли рассудке.

– Вот даже как?

– Пробовал отказать, она в слёзы. Твердит, что очень важно.

– В чём же её просьба? Я вроде никого не арестовывал последнее время.

– Не говорит ничего.

– И где же она?

– Внизу. Ждёт на улице.

Я глянул на часы. Вот он, закон подлости – приближался обеденный перерыв. Ох уж эти жалобщики-заявители! Им претит записаться, дожидаться приёмного часа и тихо, спокойно, в порядке живой очереди. Колосухин недавно приказал настоящий зал отвести для ожидания: диванчики, кресла, журналы, пей воду из графина, успокаивай нервную систему... Нет, у них другие стратегия и тактика, норовят все

по-срочному, одни с криком и угрозами рвутся, другие ищут знакомых... Впрочем, не от хорошей жизни. Не хотелось бы мне хоть раз оказаться на их месте.

– Отправляйся к Черноборову на чердак и разберись с отказным материалом, – посоветовал я приятелю. – Побеседую с таинственной незнакомкой, а потом перекусим вместе в кафе. Мы теперь в «Шарлау» не бегаем, «Приятная встреча» под носом открылась, готовят – язык проглотишь!

* * *

Каково же было моё изумление, когда я её увидел...

Дерево без ветвей. Посеревшее лицо без кровинки, впалые щёки и тёмные круги под глазами. Одета, как при первом нашем знакомстве в больничной палате у матери, глаз скользит и не задерживается, всё убого. Розалия Эммануиловна сухо извинилась за беспокойство и протянула конверт.

– Что это?

– Письмо.

– Мне?

– Прочтите.

– Может, поясните?

– Вы разыскивали Жихарева, не так ли?

Я кивнул.

– Это письмо его жены, Румии.

На бумаге значился адрес: Свердловская область, город

Первоуральск.

– Куда их занесло! Это же граница Европы и Азии!

– Она пишет, что Савелий утонул.

– Вот те раз... – я так и сел.

– Не верю!.. – она вскрикнула, и у неё началась истерика.

Я бросился за водой. Когда злосчастный графин был доставлен из зала приёма, женщина почти успокоилась, платочек прижала ко рту, и голова где-то у самых колен. Худые выпирающие лопатки торчали, грозясь порвать белую кожу.

– Этого не может быть! Он умер не своей смертью! Его убили! – причитала она тихим голосом, как подвывают над умершим. – За ним гонялись. Ему угрожали. Он не говорил никому, но я чувствовала. Я знала, что тем и кончится.

– Успокойтесь, – попробовал я привести её в чувство, прикоснувшись к плечу и протягивая стакан с водой.

– Он поэтому и убежал отсюда. Не уехал – убежал...

Она сделала несколько судорожных глотков, подняла на меня мокрые глаза и отвернулась в окно. Тоска умирала в потухших зрачках, лицо вытянулось, выпирали скулы. Затравленного зверька напоминала она – вся сжавшись, маленькая на большом стуле.

Я вернул конверт, так и не раскрыв:

– Может, вы сами всё расскажете?.. Письмо всё-таки вам.

– Благодарю, – она схватила бумагу, быстро спрятала в сумочку, застыдившись слабости.

– Почему вы решили, что Жихарева убили?

– Жене ничего не известно. От неё он скрывал. Но со мной-то он делился...

Вымолвив это, она прикусила губу и замолчала.

– Розалия Эммануиловна, а нельзя ли пояснее? Мне не хочется домысливать. Если пришли, определитесь.

– В день гибели дочки первого секретаря Савелий видел Хансултанова на паромной переправе. На служебной «Волге», – она злобно зыркнула на меня и выкрикнула почти залпом: – И вообще! Хан натворил делов! Он переправился по льду! За ним рванули другие машины! А бедная девочка угодила под лёд! А он?.. Он сбежал, умчавшись на своей «Волге»...

– Это всё вы узнали от Жихарева?

– От Савелия. Девочка была первой. Грузовик успел затормозить.

– Почему же Жихарев срочно уехал?

– Ну как же? Как же! – глаза её, словно жёсткие буравчики, впились в меня. – Савелия вызвали в милицию. Он рассказал, как было. Его предупредили, пока идёт проверка, никому ни слова. Потом вызвал сам.

– Сам?

– Каримов! – её лицо раскраснелось. – Говорит: «Ты ошибся, первого секретаря на пароме не было, другая “Волга” была, ты перепутал». А такая машина на весь район одна!

– И что же Жихарев?

– Сказал мне: «Враньё всё. Выгораживает милиция Хана.

Начальство защищает».

– Но зачем бежать?

– И вы спрашиваете?.. Его заставили подписать другие бумаги, а он... Он никуда не ходил, не жаловался. А куда идти? Это же Хан!

– Он в больнице оказался на следующий день?

– Вот. Савелий переживал... горе у человека, Бог сам наказал, чего уж ему ерепениться.

– Тогда что же?

– А на похоронах Хана он выпил, ну и не удержался, с приятелем поделился насчёт дочки. На следующий день к Каримову его приводом доставили, а вечером он уже на вокзал отправился за билетами. Румия позже уезжала, когда дом продала...

Мы помолчали.

– Я запишу ваши пояснения в протокол допроса. Вы не возражаете?

– Мне теперь ничего не страшно!

– И всё-таки почему вы считаете, что Жихарев умер не своей смертью?

– Из письма видно. Румия пишет, что к ним приезжал земляк. Собрались порыбачить. Савелий похвастал, что рыба у них на Чусовой не хуже нашей. Выпили и заспорили. А уехав, пропали...

Она заплакала. Но уже без крика, тихо, пряча лицо. Я ждал, выставив стакан с водой.

– Румию вызвали в милицию. Ехали далеко, добирались на лодке... Его вытащили на берег мёртвым через несколько дней, как узнали про аварию: перевернулась их лодка, а тот... земляк спасся.

Она плакала уже не переставая, но я не мешал, ей требовалось время, а не моё участие.

– Я сделаю запрос в Свердловскую прокуратуру, попрошу тщательно проверить все обстоятельства. Кстати, что за земляк у них объявился? Не упоминала она фамилии?

– Никого они не найдут, – поморщилась она и махнула мокрым платочком. – Убили его. Теперь все концы в воду.

– Проверят.

– Убили, утопили, не знаю уж каким образом... Но это так! И я очень хочу, чтобы это было известно вам!

– Розалия Эммануиловна, – деликатно попытался прояснить я, – а ваша мама ничего не рассказывала про попытку поджога?

Она замерла.

– Кстати, она знает о письме?.. Об этом визите?

– При чём здесь она? – женщина зло поджала губы. – А-а-а... Вам хотелось бы знать и другое?

Глаза её так и метали молнии:

– Да! Я была Савелию близка, нежели просто соседка! И Румия об этом догадывалась. Поэтому письмо и прислала... У нас с Савелием мог быть ребёнок!

Выкрикнув последнюю фразу, она опустила голову, обре-

чѐнно помолчала и обронила:

– Отказалась я от сыночка после его отъезда...

Дверь за женщиной в чѐрном платье давно закрылась, а я всё сидел за столом. Тоскливая наша профессия, чѐрт бы её побрал! О чѐм мы мечтали, когда выбирали?..

* * *

Приостановленными уголовными делами из категории «глухих всяков», то есть безнадѐжных для раскрытия убийств прошлых лет, в аппарате прокурора области ведаёт Черноборов, его должность так и именуется: прокурор-криминалист. До него пробовался один смышлѐный, но был замечен на рынке в выходные дни, приторговывал яблоками и ягодой с собственного участка, и шеф его убрал: криминалисту не положено иметь свободное время, обязан гореть на службе, пока не покончит с «всяками». Но некоторые с длинным язычком перешѐптывались, мол, вся причина в корысти: Игорушкин держал принцип – прокурорский работник ни в чѐм личной выгоды иметь не должен, хоть и в быту. Раз вступил на этот путь, значит, служи Отечеству, о личной выгоде забудь. Ему, как обкомовской номенклатуре, дачу предоставили, на своих участках секретари и инструкторы на пузе ползают, сорняк дѐргают, помидорчики, огурчики, редиску растят, плѐнкой накрывают, а у прокурора области цветов лужайка – Анны Константиновны увлечение, да

бурьян с крапивой. Он на дачу выезжает с книжкой, у самовара посидеть или в волейбол постучать. Собственный пример, конечно, вещь великая, однако страсть к накопительству, к побрякушкам, не сказать про другую корыстную заразу – явления новой жизни пробивают себе дорогу. Пресекая, в милиции генерал Максинов под угрозой увольнения запретил подчинённым надевать на работу любые ювелирные украшения, вплоть до колец на руках, женщины – в шоке, мужики боятся милицейскую фуражку в машине оставить, если выезжают по гражданке в выходной на личной машине: у гаишников на этот счёт против своих грозное указание – расценивать это как злоупотребление и о каждом случае сообщать начальству. Милицейская фуражка на багажнике легковушки – намёк на особого хозяина, и генерал наказывает таких хитрецов с особой жестокостью...

Впрочем, я отклонился от темы. Вернусь к Черноборову.

Вытурив очередного кандидата, долго искали достойного, а Пашке, рассказывают, посчастливилось когда-то работать в одном из дальних районов с самим Виктором Колосухиным, этот прокурором района, а тот следователем, и ещё два орла – два помощника, один, известный уже Маркел Тарасович Бобров, а второй Юра Гавралов. Оба уже тогда большие надежды подавали, но первому суждено было отличиться Павлу, он сумел раскрыть забытое убийство многолетней давности, доставшееся от предшественника. Открыл, так сказать, дверцу шкафа, откуда вывалился прославивший его по-

койничек. Пошла, полетела молва, а с нею признание и слава. Черноборова Колосухин позвал в криминалисты. Пашка слыл и сейчас слывёт тихоней. Не пьёт, не курит, на женщин глаз не подымает, не высовывает носа из-под каблука Норы Павловны, жены, учительницы начальных классов, взбрыкивается лишь на работе, очакушивая время от времени очередной сенсацией. Заберёшься к нему на чердак расслабиться, а он корпит над страницами очередного запутанного дела с грустной улыбкой, ему б только не мешали.

Однако как и я, он тоже фигаро на побегушках, работать приходится за троих. В этой самой – высоким слогом выразиться – неустанной борьбе с преступностью, мы, следственное подразделение, подобны тонущему кораблю: штат мал, зарплата аховая – это зияющие пробоины, а мутная волна – преступность захлёстывает с каждым годом зловещей и настырней. Естественно, мыши удирают. В аппарате кое-как успевает латать бреши неутомимая Клавдия Ефимовна, наша кадровичка, а на местах зашиваются. Вот районные прокуроры и вопят, нет недели, чтобы не требовали Павла в помощь: с серьёзными убийствами шутковать нельзя, по горячим следам не раскроешь, считай, повиснет навечно.

Есть правило у сыщиков: в течение трёх суток не разгибать спины, а не ухватил удачу за хвост, пиши пропало. В эти трое суток включаются в поиск все оперативные силы и возможности, а генерал Максинов взял на вооружение и новую стратегию – подымать по тревоге даже Управу, то есть

весь свой могучий аппарат от штабиста до пожарного. «Закрывается» город на въездах и выездах, проверяется транспорт без разбора, осматриваются все подозрительные места и поголовно состоящие на учёте лица, в первую очередь, криминальный контингент и публика с подмоченной репутацией. В такие периоды под одну гребёнку, так называемый «шмон», заматают всю мелочовку: забытых жуликов и скупщиков краденого, бомжей и проституток, алиментщиков и спекулянтов, но попадают и важные персоны.

В статотчёте есть специальная графа: «Раскрыто убийств по горячим следам». Эта строка самая важная и героическая, но, увы, показатели её несравнимы с данными другой: «Совершено всего убийств». Поэтому мудрые старые сыщики не одобряют новомодную стратегию генерала, оперативная работа не переносит шума и беготни – хмурятся они, количеством народа и помпой матёрого преступника не взять, но их время прошло, вредными считаются их мнения и большинство перекочёвывает на пенсию.

А ведь действительно, как объявили о близкой победе коммунизма, переменилось многое в нашем мире. Доблестные дружинники каждый вечер высыпают на площади и улицы, вор в это время, конечно, носа не высовывает, но смекалистым помощникам дело находится, они хватают длинноволосых, метут гитаристов, заламывают руки и тянут в участки стилиг в узких штанах, уже сёла, города и целые области спорят, кто из них быстрее поймает последнего уго-

ловника!

Но то лозунги, которыми пестрят газеты, которые вещают радиоточки и бросают докладчики с трибун, профессионалам не до них. После тех трёх горячих суток с неделю ещё помнят сыщики про убийство, поднявшее всех на уши, про кошмар и суматоху, а потом забывают, грядут новые, очередные тревоги отыскивать следующих...

Делу Топоркова замаячила та же незавидная судьба «безнадёжного висяка», оно и поначалу шло к этому, не подавая надежд на судебную перспективу, а со временем, когда оперативники перестали всерьёз заниматься, совсем зачахло. После приостановления Федониным я его несколько раз обновлял, проводя разовые следственные действия, но были они единичными, ситуации не меняли.

Странно, но у меня складывалось тягостное впечатление, что в родном когда-то мне районе милиция сознательно вставляет палки в колёса, и кто-то влиятельный тому виной.

Надо было что-то предпринимать, а то дело совсем зарастёт паутиной, и первое, на что я отважился, преступил известный приказ, уговорил Черноборова и гибнущее дело Топоркова оставил у себя. У Павла оно обязательно залежится. У него их куча, когда очередь дойдёт? А между тем, один за другим стали пропадать очевидцы. Невесть какие важные, но свидетели!

Я всё чаще и чаще начал вспоминать про ту кошку, стерегущую жертву. По моим скромным подсчётам, покойников

набралось уже чуть ли ни с десяток...

Начнём с первого.

Василий Топорков, раз. Тут же едва не отправили на тот свет меня самого. Стоило поточнее угодить в затылок, как стращал главврач Брякин, чуть посильнее замахнуться, и тот удар был бы для меня последним. Следующей в цепи загадочных смертей стала подружка Топоркова, Елена. Дочь Хансултанова попала в эту паутину случайно. Её смерть, конечно, непредвиденная трагедия. Но как знать?! Она оказалась очень близка к Василию Топоркову, и её поразила ужасная стрела. Третьим ушёл из жизни его отец. Чудаковатый старик с кличкой из сказки знал всё, и даже самого убийцу, но не пожелал назвать его имени Дынину. Илья рассказывал, что тот испугался навлечь беду на тех, кто прикоснётся к тайне, известной лишь ему и убийце. Затем настала очередь Ильи. Если бы не верный пёс, неизвестно, успел бы Аркадий выволочь его из льда и спасти. Издевавшиеся над Ильёй избили его до такой степени, что до смерти оставался шаг, спасли его счастливые случайности: Аркадий приехал к Моисею Моисеевичу, обнаружил записку, дед знал расположение Гиблого места. Если бы, если бы, если бы...

По сведениям начальника уголовного розыска Лудонина, бесследно канул рецидивист Большой Иван. Он укрывал отца Топоркова по просьбе сына. Иван был не рядовым уголовником, бандит со стажем и авторитетом, однако и его постигла смерть. Может быть, ему удалось что-то пронюхать, вы-

ведать у старика, ведь он так того жаждал?.. Лудонин предоставил скудную информацию по моему запросу о причастных к убийству Большого Ивана. Кстати, настоящая фамилия этого человека Хвостов. Трофим Сергеевич Хвостов и длинный хвост судимостей, других доблестей за ним не оказалось. Кому он не угодил, пока неизвестно, убийство не раскрыто, одна из версий – получил смертельную ножевую рану в пьяной драке, эксперт высказал предположение, что убийца, сзади схватив коротышку, порешил его, как жертвенного барана. Славные у него были охранники, Илья вздрагивал, когда вспоминал их ручищи.

А следом настал черёд свидетелям, прямого отношения к смерти Топоркова вроде не имевшим.

Умер бывший охранник архива Дробкин, через неделю с небольшим – его жена. Дробкина олух Зябликов по подсказке милиционеров не стал вскрывать, и потому причина его смерти осталась под большим вопросом. Особая история с Сорокиным, шофёр разбился в автоаварии, но и здесь много неясностей и подозрительного.

Когда я изучал отказной материал, истребованный из Госавтоинспекции, волосы на голове зашевелились от поразительного безобразия – такое накручено! Дознаватель отказал в возбуждении уголовного дела, когда обстоятельства гибели Сорокина оставались совершенно невыясненными.

– Зачем вы приняли такое решение? – допытывал я его. – В кабине был пассажир! Когда машина врезалась в столб, он

вылез и затерялся в толпе! Его видели несколько прохожих. А если?..

– Сорокин был пьян, – тарасился тот. – В его крови обнаружен алкоголь. А мужика установить не удалось.

– Но его видели и описали наружность, приметы?

– Давал поручение гаишникам. Не нашли.

Теперь, спустя длительное время, разве исправить безобразную оплошность? Я, конечно, отменил постановление и дело возбудил, но надежды никакой. Так погиб Сорокин, и кто был тот пассажир рядом – неизвестно, но он почему-то уцелел, хотя на практике в таких случаях обычно погибают пассажиры, а не водители...

Показания бывшей заведующей архивом Костыревской сознательно попытались смазать, Зинаиду Фессалиевну выставили полоумной, способной на всякий бред, упрятали в больницу и продержали несколько месяцев, пока та не перебралась с помощью дочери в город. А тут новый снаряд упал: Розалия Эммануиловна принесла весть о гибели Жихарева, последнего свидетеля событий на паромной переправе. Что же знал Жихарев, заслужив смерть за молчание?

И тут у меня захолонуло внутри – Ванька-то в Харабах!.. Мальчишка!.. Он ведь тоже, если вспомнить мучительные признания Полины, его матери, что-то видел? Невесть что, но просыпался по ночам, кричал?.. Сколько я ни пытал Полину, ни выпрашивал, ничего толком она не рассказала. Перепуган был малец стрельбой, но бежал-то он туда зачем?

Пожалел я тогда Полину, не придав значения её словам, да и она просила не травмировать Ваньку расспросами, а у меня в Харабали ехать времени не было.

«Надо провести мальчика, — зашевелилась, закорёжила меня тревога. — Уж больно велика цепочка погибших. Ваньку не видел никто. Может быть, это его и бережёт пока. Но на пока да кабы надеяться нечего. Махну-ка я в Харабали, с мальцом с глазу на глаз побеседую...»

* * *

Так я оказался в Харабалах. Искать «гавроша» не пришлось, Ванька приметил меня первым. Он даже замахал рукой с лавочки, где под развесистым деревом они расположились с седовласой, но молодящейся женщиной, оказавшейся его бабушкой Марией Платоновной.

— Не скучаешь по матери, старичок? — протянул я ему руку.

Ванька и раньше смотрелся солидно, выделялся ростом и разумением среди сверстников, а тут я его совсем не узнавал: вытянулся, окреп, из-под лба меня сверлили прозорливые глазёнки. Когда участковый ушёл, распрощавшись, а Мария Платоновна, узнав, что уже вечером я уезжаю в город, побежала собирать гостинцы дочке, я спросил:

— Догадываешься, зачем я здесь?

Ванька опустил голову.

– Спрятала тебя мамка?

– Я больше не буду...

– Это понятно. Ты вот что мне Расскажи...

И мы с ним поговорили. Малец оправдал мои ожидания, он действительно прятался у той треклятой избы, где устроили стрельбу. Пробраться к Топоркову он не смог, а там я прибежал, его спугнув. Но то, что он рассказал мне, было очень важно и напугало меня. Я сдал Ваньку бабушке и бросился к начальнику районного отдела милиции. Выслушав, тот долго чесал затылок, но всё же успокоил:

– Народу мало. У меня каждый на счету, а штаты не гармошка. Но к мальцу я приставлю человека. Будьте спокойны. Он за ним днём и ночью станет присматривать. Не беспокойтесь за пацана.

– Ночью-то зачем? Я с матерью поговорю, как вернусь. Она его перевезёт к себе от бабушки. А там уж мы сами организуем все меры по его безопасности.

– Езжайте, не волнуйтесь за мальчика.

* * *

Самое примечательное в нашей разлюбленной работёнке – это чудесная организация. Не подумайте чего: есть начальство, есть приказы начальства, регулярно составляемый и утверждаемый план, но вмешивается Её Величество Жизнь, и словно ураган сметает. Стоит заболеть или укатить в ко-

мандировку, никто не вспомнит о десятке горящих жалоб в твоём сейфе, а ведь писаны чёрным по белому и распоряжения о взаимозаменяемости...

Примчался я из Харабалей и был сразу послан в совет по борьбе с наркоманией, где ожидалось заседание. Лишь к вечеру вздохнул, сварил кофе побольше и засел за накопившиеся уже бумаги, но затрезвонил телефон. Время позднее, я не ждал никого. Оказалось, Маркел Тарасович доискивался меня который день, но завёл беседу на пустяшные темы. Когда же, наконец, он перешёл к главному, исчерпав набор прямо-таки дипломатических уловок, и изложил просьбу, я насторожился:

– А почему окольными путями, Маркел Тарасович?

– Ну, это ты уж у него поинтересуйся, – буркнул Бобров, которого, видно, тоже не радовала роль посредника. – Он сейчас вторым секретарём пока. После похорон отца я его больше не видел, с матерью встречался, но она после смерти Хайсы замкнулась.

– Рассказывали мне...

– Ходили слухи, сына его, Марата, к нам сватать собирались, первым секретарём в райком партии, на место отца, но притормозили, а теперь и вовсе ничего не сплетничают. – Бобров хмыкнул: – Разное плетут! Мне его по-человечески жаль. Встреться с ним, Данила Павлович, в рамках дозволенного просвети, я, что знал, растолковал, но он весь в отца – ему подавай правду-матку из первых уст.

- В рамках дозволенного...
- А большего я и не прошу. Найдёшь время?
- Когда нужна встреча?
- Он сам тебе позвонит...

* * *

Он действительно позвонил сам, представился и предложил побеседовать у него в горкоме. У меня рука с трубкой опустилась, вспомнился Битюцкий из прошлого, та же бесцеремонность. Но я согласился.

Сдержанная, услужливая секретарша тут же открыла дверь, кабинет просторный, без претензий подобранная мебель, запах кофе с чем-то перемешанный, потом-то я догадался.

– У меня два недостатка, – крепко вцепившись в руку и долго не выпуская, он сверлил меня маленькими зоркими глазками степняка, – привык к своей территории.

Хмыкнул сердито, обнажив крепкие зубы, надо думать, это был смех. Модная чёрная тройка и строгий галстук заметно диссонировали с моей неуместной «ленинградкой» и светлыми штанами.

– А второй?

– Рот не закрывается, – продолжил он как-то мрачно веселиться. – Рабочее место бойца идеологического фронта, куда ни деться, но обратно – есть выгода: закрыл рот и уби-

рать нечего, чисто. Я отпущу Светлану?

– Вам решать.

– Кофе сами сварим. Выпьете чего-нибудь?

– А надо?.. – Я пришёл после обеда и рассчитывал вернуться в аппарат, где ждала масса неотписанных бумаг.

– День к закату, – потащил он меня к двум креслам и столу в углу. – То да сё. Коньяк?

Он выглядел старше, говорил, не останавливаясь, будто торопился, я едва успевал отвечать.

– Маркела давно видели?

– Маркела Тарасовича?

– А я часто у них гощу. Как забыть? Родные места. От Каримова привет. Знакомы с первым секретарём? Слышал, были там зимой, а не зашли?

– У вас мама там?..

– И не говорите. Ташу в город – бесполезно. Упёрлась. Старые люди, знаете ли... – смолк на миг, потянулся к сейфу. – У нас в вэпэша поговорка ходит, не слыхали? Одно люблю: замужнюю и по рублю.

Он расхохотался без радости, скрипнул ключом могучего замка.

– Вэпэша, это?..

– Высшая партийная школа, четыре года отбухал. Лучшее время моей жизни! – Достал яркую бутылку, два фужера – полушария на длинных хрустальных ножках, коробку конфет; плеснул метко до половины, поднял свой ко лбу. – Ну,

будем! За знакомство!

Выпив и сунув конфету в рот, рванулся к двери, приоткрыв, крикнул:

– Светлана, закрой нас, когда будешь уходить. – Возвёлся и упал в кресло. – Вы располагайтесь. Как коньяк? Аромат – прямо с Арарата!

И неожиданно смолк, откинулся на спинку кресла, прикрыв веки, словно чего-то дожидаясь, вслушиваясь в себя; бледное лицо медленно зарозовело.

Коньяк действительно покорял, был мягок, тягуч и душист. Я внимательнее разглядывал стены. Портрет вождя над столом, знамя в углу, плакат-календарь у книжного шкафа, верхние две полки в местных сувенирах, на остальных ровные в один могильный цвет томики «В. Ленин. Сочинения».

– Вэпэша – незабываемое время! – Он плеснул в фужеры новую порцию. – У вас юридический? А у меня их два! Но скажу вам, такая школа! Во всех смыслах! Давайте за альма-матер! Всем обязаны!

– В Саратове?

– Там, – он спохватился, сбегал в приёмную, принёс чашки с кофе, затем тарелку с нарезанным лимоном. – Прокуроры мне представлялись сухарями, казёнными людьми. А Маркел!..

– Казёнными дома бывают.

– Тюрьмы? Ха-ха! – он зло залился смехом. – Вот ваш

юмор! Прорезался.

Что-то он быстро пьянел... Мне вспомнился странный запах кофе.

– Неужели Маркел Тарасович сформировал у вас такое представление о прокурорах?

– Бобёр – человек! – он так и произнёс доверительно, разомлевшим басом, капельки пота блеснули на лбу, он небрежно смахнул их. – Особая личность! Это не Каримов. Слушайте, как вы с ним уживались? Вы курите?

– Бывает.

– А я закурю, – он снова полез в сейф, пачка, которую небрежно бросил перед собой на столик, пестрела английскими буквами. – Каримов свинья. Ничтожество! Водил, водил меня за нос. А ведь толком так и ничего... Я ему про отца, а он мне за Борданова – кто да кем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.